

Джеральд Старк
Конан и честь империи
Серия «Путь героев», книга 2

Spelcheck Игорь Иткин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159064

Конан и честь империи: Роман / Дж. Старк: АСТ, Северо-Запад Пресс; Москва; 2003

ISBN 5-17-017920-0, 5-93699-063-3

Аннотация

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет знакомство со второй частью нового романа Джеральда Старка – «Честь империи», где продолжают приключения, описанные в томе «Путь героев». Принц Конн, сын Конана вырос достойным наследником своего знаменитого отца. Но горячность и безрассудство свойственны молодости, а из-за ошибок сильных мира сего порой могут страдать целые народы...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	8
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джеральд Старк

Конан и честь империи

Пролог

Время воспоминаний

Вряд ли кто мог предположить, что заморосивший в середине дня дождик обернется сущим бедствием. Шквалистый полуденный ветер нагнал целое стадо низких, свинцово-пепельных туч, и к наступлению сумерек те разразились грозовым ливнем. Как положено в страшных историях, вековые сосны скрипели, раскачиваясь и роняя на землю гроздь созревающих шишек, в небесах оглушительно гроыхало и ослепительно сверкало, дождевые струи размывали без того не слишком проезжие дороги королевства Пограничного, ледяные градины часто шелестели по крытым соломой и дробно выстукивали по черепичным крышам.

Застигнутые ненастьем путники спешили поскорее добраться до ближайшего укрытия, а уже собравшиеся в дорогу гости хутора Гервен, поддавшись на уговоры хозяев, решили обождать с выездом до рассвета.

Деревня в три десятка дворов удобно приткнулась на опушке леса, прозванного в незапамятные времена Кабанным за многочисленность обитавших в нем стад таковых животных. По этой же причине в уединенный поселок иногда наведывались любители охоты на матерых секачей.

Приезжие относились именно к их числу. Осевшая под тяжестью добытых трофеев повозка теперь приткнулась в дальнем углу общинной конюшни, а хуторяне пребывали в легкой растерянности. Пограничье испокон веков слыло «захудалым королевством», где король может запросто навеститься в гости к подданным, среди которых у него, заметим, полно близких и дальних родственников. Но притащить в сущую глухомань живую легенду нынешних времен? Старейшины Гervена единодушно сочли подобную выходку чрезмерной даже для сумасбродного по молодости лет Эртеля Эклинга, вздохнули и принялись собирать запасы, необходимые для прокорма грядущей высокородной оравы.

Поначалу визит не одного, но целых двух королей казался не слишком обременительным. Гости явились малым числом, переменили коней и исчезли в лесах. Вернулись прошлым вечером — как водится, потрепанные и донельзя оживленные. Шумно отужинали в доме старосты, наперебой делясь подробностями недавних азартных погонь по болотам да перелескам, перемежаемыми воспоминаниями о давно минувших временах.

Следующим днем компания намеревалась возвратиться в столицу, но благим намерениям воспрепятствовала разгулявшаяся стихия.

Теперь молодой правитель страны вместе с друзьями коротал время в ожидании утра и появления в серой хмари облаков хоть малейшего просвета. Большинство свитских, сыскав подходящие уголки, прилегли вздремнуть вполглаза. Караульные, коим выпало нести дозор, прятались под хлипкими навесами и вполголоса кляли столь несвоевременную грозу, невольно пригибаясь при каждом новом оглушительном раскате. Из конюшен доносилось тревожное фырканье и ржанье, лошади беспокойно металась в стойлах. Им вторило жалобное подвывание охотничьей своры, за неимением настоящей псарни размещенной в амбаре.

Порыв ветра с размаху швырнул горсть капель в узкое оконце на втором этаже дома, под самой стрехой, украшенной резным изображением лосиной головы. Водяные струйки резво побежали по натянутому бычьему пузырю, ища прореху.

– Как в старые добрые времена, – заметил Эртель, кивая в сторону окна, на мгновение залитого тусклым лиловым сиянием. За фиолетовым сполохом последовал тугой, солидно-основательный звук грома. – Гроза бушует, мы торчим в забытом богами и людьми захолустье, ждем, куда рассветет...

Ответом ему стало презрительное хмыканье. Жалобно скрипнул отворачиваемый кран на пузатом бочонке, вязко забулькал переливающийся черный эль, однако собеседник владельца маленькой полуночной страны не спешил отправлять содержимое вместительной глиняной кружки по назначению.

– Слушай, может сделаешь одолжение и растолкуешь, что к чему? – резковато поинтересовался Эртель, тут же поспешив уточнить: – Конечно, я очень рад тебя видеть, но подобными любезностями Пограничье и Аквилония обмениваются с времен правления моего дядюшки, доброй ему охоты в заоблачных краях – и ни разу Тарантия не отвечала согласием. Зазывания в гости – всего-навсего вежливый жест, лишнее подтверждение добрых отношений. Мне самому такие шлют почти к каждому празднику. И вдруг вы приезжаете – ты, Йенна, дети... Ну, добро. Мы из шкуры вон лезем, проявляя истинное гостеприимство Пограничья, но тебе что-то не по душе. Чем ты недоволен, в конце-то концов?

Эртель Эклинг, сменивший на медленно укрепляющемся престоле своего дядю, Эрхарда Оборотня, правил всего два года. За сей краткий срок разбитной и беспечный охотник за удачей обратился в человека, осознавшего тяжесть возложенного на него долга и отчаянно стремящегося как можно лучше с этим долгом справиться. Зная, что ему, как и всякому из племени Карающей Длани, оборотней, отпущен срок, в три или четыре раза превышающий обычную длину человеческой жизни, Эртель понимал – отныне его существование будет подчинено единственной цели, заботе о благе Пограничного королевства. Наличие могущественных соседей – Бритунии, Немедийской империи и Аквилонии – ничуть не облегчало его участь, постоянно требуя умения лавировать между подводными камнями высокой политики. Вот еще один неожиданный подвох – визит давнего друга, о котором теперь будут распускать слухи до конца года!

– С собой.

Короткое словечко заставило молодого человека с искренним недоумением взглянуть на того, кто расположился напротив него за добротным, тяжеловесным столом. Прославленный владетель Трона Льва, как отметил Эртель в первый же миг встречи, произошедшей две седмицы назад, здорово изменился. Ни к худшему, и ни к лучшему – просто стал иным по сравнению с образом, запечатлевшимся в памяти давнего приятеля. Текущее мимо беспощадное время оставляло на аквилонском короле свои следы, доселе незаметные, однако к шестому десятку лет наконец сумевшие взять верх. Кто-то из спутников правителя Пограничья глубокомысленно заметил: «Смертного создания тут больше нет. Мы видим ходячее и говорящее олицетворение страны.»

На болтуна зашикали, но мысленно многие с ним согласились.

Сейчас, в полусумраке маленькой комнаты, освещенной качающимся пламенем свечей да грозowymi зарницами за окном, Аквилонец в самом деле походил на воплощение незыблемой и неуязвимой власти. Силы. Некой всепоглощающей мощи, кроющейся в слове «государство».

Чуть устрашающее впечатление наверняка создавалось игрой света и теней, но Эртель давно выучился не доверять простым толкованиям. Если в самой Аквилонии царили мир, достаток и процветание, то в укрытой от посторонних глаз жизни обитателей Тарантийского замка явно творилось неладное.

– Вы здесь совершенно ни при чем, – Конан с преувеличенным вниманием рассматривал стоявшую перед ним кружку, словно ему в руки попало древнее сокровище. – Честно говоря, я приехал в надежде вспомнить эти, будь они неладны, старые добрые времена.

Ничего не получается. Все стало другим. Вместо захудалого городишки на границе выстроили укрепленный форт, где была разбитая вдрызг дорога – проложили мощный тракт. Даже здешняя деревня в три с половиной дома наверняка скоро начнет добиваться звания гербового города!..

– Всенепременно, – согласился оборотень. – Или Ваше величество всерьез желает, чтобы Пограничье и далее прозябало на своей отдаленной окраине?

– Похоже, я становлюсь всего лишь этим, как его... постаментом для собственного имени, – скривившись, заключил правитель Аквилонии. – Легенда при жизни, светлейший король, пример для юношества, сокрушитель чудовищ! – желчно перечислил он. – Разве этого я хотел? И, что самое досадное – молву не переспорить. Разве что издать указ, в котором будет прописано: в жизни Конана из клана Канах имели место такие-то и такие-то события, а все прочее – лжа неправдивая.

– Имей в виду: такой поступок в скором времени обернется нравоучительным сказанием о невиданной скромности героя, столь прославленного, что ему не требовалось лишних раз приукрашивать свои деяния, – с едким смешком предостерег Эртель. – Ладно, суть я уловил. Конан Киммериец пал под тяжестью преданий о себе самом. Его одолевает тоска по вольному и веселому прошлому, когда в него не тыкали пальцами на улицах и не возводили в его честь памятники на городских площадях. Сочувствую, однако ничем помочь не могу. У меня, знаешь ли, своих забот хватает...

– Зато у меня их нет! – перебил варвар, не очень-то прислушиваясь к речам друга и следуя за собственной прихотливой мыслью. – Нет, можешь себе представить?! Кажется, мне досталось все, о чем только можно мечтать. Королевская власть. Верные соратники, которые не предадут в решающий момент. Мудрая красавица, ставшая моей женой, и наши дети... Много чего можно перечислить, и все это в последнее время словно ускользает из рук. Не из-за происков заговорщиков, не из-за моего пренебрежения делами, не стараниями Королевского Совета или хитроумного Пуантенца – просто утекает сквозь пальцы, как вода или песок.

– Будто отпущенное тебе время подходит к концу, – внезапно дрогнувшим голосом завершил фразу Эртель. – Года за два до своей кончины дядюшка тоже вел подобные разговоры... Эй, а ну-ка брось! Ты ведь не собираешься помереть прямо сейчас, бросив Аквилонию и всех нас на произвол судьбы, точнее – на твоего наследника? Признаться, мне не по душе такие шутки!

– Когда-нибудь мы все отправимся по тому пути, который один Нергал ведает, где заканчивается, – философически заметил Лев Аквилонии и потянулся к кружке, но отпить не успел – дверь беззвучно открылась, пропуская высокую темноволосую женщину. Та ничуть не удивилась, обнаружив в комнате двух полуночников, но удовлетворенно кивнула:

– Вот вы где. А я во двор выглянула – гроза вроде стихает, и льет уже поменьше.

– Самой-то зачем ходить? – недовольно буркнул Конан. – Отправила бы какого-нибудь бездельника...

– Бездельники заняты – я доверила им развлекать наших отпрысков и их друзей, никак не желающих утомиться, – Зенобия, королева Аквилонская, подвинула к себе наполненную, да так и оставшуюся нетронутой кружку, непринужденно отхлебнула плоток и внимательно оглядела примолкших мужчин: – Дети чрезвычайно довольны новым приключением, чего нельзя сказать о вас. Эрт, тебе еще не поведали о нашем пребывании в Кюртене?

– А что там стряслось? – полюбопытствовал король Пограничья.

– Молодежь отыскала где-то бродячего сказителя и притащила его на постоянный двор, решив, что нашим величествам недостает простых народных развлечений, – с плохо скрываемой насмешкой в голосе принялась рассказывать Дженна. – Благородное общество вдоволь попотчевали вольными переложениями нордхеймских саг, угостив в завершение дол-

гим сказанием о подвигах... Да-да, некоего варвара из далекой Киммерии, который провел жизнь в скитаниях и сражениях, добившись в конце концов золотой короны и алмазного трона. Правил он, как сами понимаете, долго и мудро, без труда одолевая козни врагов и происки злоумышленников... – она сделала паузу и уже серьезнее добавила: – Вот только сам герой баллад крайне озлился и пребывает в сем скверном настроении до сих пор.

– Они поверили каждому слову дряхлого болтуна! – негодуяще рыкнул Конан. – Сидели, развесив уши и разинув рты, пока он плел сущую чепуху! Или ты, – он обличающе ткнул пальцем в супругу, – будешь уверять, якобы тебя в самом деле похищал злобный колдун и ради твоего спасения я таскался куда-то на край света, попутно свергая тиранов и рубя головы пучеглазым демонам?

– О, я твердо уверена: коли меня украдут – ты на радостях закатаешь праздник, – отпаривала Зенобия. – Какая разница, правда это или нет? Людям нравятся подобные истории. Для них не имеет значения, сколько в них вымысла, а сколько – истины.

– Не пойму, отчего тебя вдруг стали беспокоить подобные глупости? – поддержал аквилонку Эртель. – Выдумывают байки и пусть себе выдумывают. К примеру, мне ужасно обидно, что про меня до сих пор не сложили самой простенькой истории. А я так стараюсь, даже вон в друзья тебе набился!

– Непременно сложат, – Дженна снисходительно взъерошила светлую шевелюру оборотня, и тот немедленно соорудил чрезвычайно довольную физиономию. – Идемте-ка лучше спать. Успеем еще надоесть друг другу жалобами на жизнь, мы ведь намерены провести у вас целое лето.

... Проводив гостей, Эртель выглянул на крыльцо. Гроза и в самом деле стихала, уходя куда-то в направлении Граскаальских гор, а дождь, как это всегда бывает, стал рассеянным и мелким. Молодой человек втянул пахнущий влажным лесом и свежей травой воздух, на миг став похожим на настороженного зверя, выбравшегося из норы. Вроде бы ровным счетом ничего необычного или тревожащего, разве что откуда-то прилетает еле различимый, кисловатый запах напуганного животного. Должно быть, поблизости от хутора пережидает ливень олений табунок.

– Совершенно не о чем беспокоиться, – вслух произнес Эртель Эклинг, зевнул и скрылся в доме.

Мокрые деревца на околице хутора вздрогнули, осыпав тяжелыми каплями существо, неотрывно вглядывавшееся в кучку приземистых строений. Зверь, по очертаниям похожий на волка – если только земля порождает волков, чей рост в холке приближается к высоте некрупной лошади – сторожко попятился, словно увидел все, что его занимало. Отойдя на десяток шагов вглубь леса, волк какое-то время просто стоял, раздумывая, а его силуэт словно бы таял, сливаясь с ночной темнотой и поднимавшимися испарениями. Еще пара ударов сердца, и животное окончательно пропало, не оставив после себя даже примятых растений и следов.

Часть 1 След волка

Глава первая Скверные новости

Вольфгард, столица Пограничья.

21 день Первой летней луны 1313 года.

Нынешним утром – необычно жарким для поздно начавшегося лета – на заднем дворе трактира «Снежная ящерица» царило необычное, можно сказать, нездоровое оживление.

Задворки не представляли из себя ничего особенного. Десяток ровных борозд огорода, торчащие с краю смородиновые кусты в клейких листьях, забор в половину человеческого роста из ошкуранных жердей, пыльный проулок да уходящий вниз склон холма, полого спускающийся к легкомысленно журчащей речке. «Ящерица» стояла в восходном конце Вольфгарда, за последний десяток лет изрядно расширившегося, но по-прежнему напоминавшего беспорядочное нордхеймское поселение, и замыкала улицу. Справа тянулся пустырь (который всякое лето затевали перекопать, да все руки не доходили), слева – недостроенный участок городской стены: земляной вал и частокол ограждавших его кольев.

Словом, обычная городская окраина.

Сегодня переулок за постоялым двором стал на редкость оживленным местечком. Кучки сбежавшихся зевак, державшихся на почтительном отдалении и опасливо перешептывающихся. Десяток городской стражи, старательно отгоняющих всех подальше от огорода. По взрыхленным грядкам, безжалостно топча посадки, бродят еще трое блюстителей в сопровождении крупной собаки пегой масти, смахивающей на помесь пастушьей овчарки с борзой. Пес водит узкой мордой туда-сюда, вдумчиво обнюхивая землю и явно что-то разыскивая. Стражники не отстают, заглядывая под кусты и шаря палками в зарослях лопухов у основания дома.

Задняя стена постоялого двора – бревенчатая, заросшая сизоватым мхом, но еще вполне крепкая. На уровне второго венца чернеют подслеповатые окошки, закрытые ставнями. Они скрывают за собой неприятелямские каморки, где обитает прислуга.

С недавних пор там еще поселились промышлявшие при трактире девицы. Новшество пришлось не по душе содержательнице двух веселых домов столицы Пограничья, отчего между ней и хозяином «Снежной ящерицы» то и дело возникали перепалки со страшными угрозами, однажды даже завершившиеся в судебной управе...

Юркая собака по огороду внезапно остановилась, коротко гавкнула и яростно заскребла лапами мягкую почву. Подбежавший стражник оттеснил животное в сторону, взгляделся, приглушенно ругнулся – должно быть, для храбрости – и извлек из капустной зелени некую вещь размером в два кулака: багрово-синеватую, обмякшую, истекающую тягучими черными каплями. Когда находку подняли повыше, среди зевак раздалось встревоженное оханье. Кое-кто, зажимая рот и сдавленно кашляя, торопливо убежал вниз по склону, к речке.

Предмет, спешно упрятанный в холщовый мешок, оказался кистью человеческой руки, отхваченной у самого запястья. Разлохматившиеся клочья плоти болтались, как диковинный браслет. На скрюченном безымянном пальце мелькнул измазанный кровью широкий золотой перстень с цветным камнем.

– Нашел! – страж с нарочито залихватским видом вскинул мешок с добычей. – Рука отыскалась!

– Нашел, так отнеси его милости, а не маши, как бодливая корова хвостом, – раздраженно посоветовал гвардеец постарше и прикрикнул на толпившееся у ограды сборище любопытных: – Пошли прочь! Нечего тут глазеть!

Пристыженный блюститель затрусил по грядкам, скрывшись за углом дома. Его товарищи продолжили свое занятие, только собака крутилась на месте, взвизгивая, чихая и подывая.

Словно отвечая ей, из распахнутого окна вырвался звук, заслышав который, толпа зевая всколыхнулась и напугано загудела. Было непонятно, что за существо могло издавать такие крики: то ли тонкий скулеж умирающего зверя, то ли жалобное хныканье смертельно напуганного ребенка. Вопль длился всего два или три удара сердца и внезапно оборвался, достигнув своей высшей точки, словно кричавшему с размаху заткнули рот или из милосердия прикончили ударом меча.

* * *

Вторую по правую руку комнатенку до сегодняшнего утра занимала девица по имени Мави – обыкновенная девчонка четырнадцати или пятнадцати зим от роду, выглядевшая чуток глуповатой и больше подходившая для того, чтобы мыть полы да подносить обедающим гостям тарелки.

В данный миг упомянутая Мави находилась в своем жилище.

Встав на пороге и посмотрев налево, можно с некоторым трудом различить ее – забившееся в дальний угол между кроватью и перевернутым вверх ногами столиком съездившееся в комок и мелко вздрагивающее человеческое существо. Попытки хозяина «Ящерицы» и его жены дозваться до девицы успеха не имели. Мави не откликается и, похоже, вообще ничего не слышит. Время от времени она вопит, испуская бессмысленный воющий звук, только что напугавший людей снаружи.

Но девчонка по крайней мере жива, чего уж точно нельзя сказать о двух других обитателях комнаты. Один из них вытянулся на скомканном цветастом половике, ближе к дверям, головой к окну. Крупный мужчина лежит ничком, левая рука отброшена в сторону, правая согнута и спрятана под туловищем. На кожаном жилете видна длинная косая прореха, оставленная то ли взмахом ножа, то ли ударом лапы хищного зверя. Вокруг мертвеца натекла темная, поблескивающая лужа, источник которой нетрудно угадать – зияющая рана, тянущаяся вдоль посиневшей бычьей шеи от уха к плечу. Над ней с назойливым гудением кружат влетевшие в распахнутое окно мухи.

Второй человек вроде бы находится на расстеленной кровати... Во всяком случае, в складках заскорузлой и побуревшей простыни угадывается нелепо вывернутая нога, а округлый предмет, закатившийся в выемку между вспоротой подушкой и съехавшим набок тюфяком, вполне может быть макушкой головы. Стена над постелью и висевший на ней простенький коврик, наполовину сорванный с гвоздей, испещрены темными потеками и разводами. Отдельные брызги долетели даже до низкого потолка. Крови так много, что кажется невероятным – неужели в человеке плещется такое количество этой драгоценной жидкости? Она повсюду, вкупе с постепенно усиливающимся сладковатым тошнотворным запахом и разлетевшимися по комнате мелкими перьями разорванной в клочья перины.

Из коридора жуткое зрелище созерцают четверо. Позеленевший и старательно отворачивающийся в сторону низкорослый крепыш – невезучий содержатель постоянного двора, – и его законная половина, цепляющаяся за плечо супруга, с болезненным любопытством заглядывая через порог. Хозяйка открывает и закрывает рот, словно намереваясь запричитать, но никак не решаясь начать.

Чуть в отдалении стоит сухопарый тип с равнодушной, слегка скупающей физиономией, отдаленно напоминающей породистую морду стареющего гончего пса. Судя по бронзовой бляхе с изображением ястреба, это местный квартальный дознаватель. Рядом с ним расположился обладатель серебряного значка с чеканным силуэтом волчьей головы, означающим власть над городскими блюстителями порядка – блондин средних лет, уроженец здешних краев либо же соседней Бритунии.

На лестничных площадках, расположенных в обоих концах узкого коридора, маются стражники. Сверху, перегибаясь через перила, таращатся на происходящее растрепанные и на удивление молчаливые девицы вкупе с прислугой.

Застывшая живая картина приходит в движение при появлении гвардейца, несущего на отлете свой зловещий трофей.

– Вот, извольте видеть, рука, – чуть невразумительно докладывает стражник. – В капюсте валялась. На ней кольцо – дорогое, с самоцветом...

– Еще что-нибудь нашли? – осведомляется пожилой дознаватель.

Стражник мотает головой, и, спохватившись, рявкает:

– Никак нет! Ищем!

– Раз кольцо – значит, нам попалась исчезнувшая конечность малопочтенного Унтамо, – вполголоса замечает владелец серебряной волчьей головы. – Остальное наверняка разбросано поблизости... Ну, кто из доблестных стражей желает прославиться, спасая бедную девицу? Рэф, друг мой, ты по-прежнему уверен, что сию особу нужно полагать свидетелем, а не виновницей случившегося?

– Я полагаю, месьор Грайтис, что сперва нужно ее оттуда извлечь и привести в себя, – Рэф коротким взмахом руки подзывает неохотно сдвигающихся с места гвардейцев и отодвигается в сторону, гостеприимно открывая им вход в пропахшее страхом и смертью помещение. – Мне также затруднительно представить, чтобы хлипкая девчонка-недомерок могла расправиться с двумя взрослыми мужчинами.

– Один из которых являлся известным гиперборийским магом с законным, подтвержденным лично королем Пограничья, разрешением на занятие таковым ремеслом, – уныло завершает фразу Грайтис, – а также представлял в Вольфгарде двор Халогии. В посольстве нас заживо сожрут, когда узнают... Отчего этому ублюдку приспичило наведаться сюда, а не в приличное заведение госпожи Зифты? А, хозяин? Что он у вас забыл?

Цвет физиономии владельца «Снежной ящерицы» меняется с болотно-желтоватого на бледно-синеватый. Такой краской на жестяной вывеске изображена шкура зверя, давшего название постоялому двору. Он нерешительно мнетя, локтем подпихивая супружницу – то ли ожидая совета, то ли напротив, предупреждая о молчании. Собравшись с духом, боком придвигается к месьору Грайтису и начинает вполголоса объяснять, помогая в особенно затруднительных местах взмахами рук и выразительными гримасами. Хозяйка поддакивает, но, когда стражники выволакивают из каморки завернутый в половик труп, оставляющий на полу размытую кровавую полосу, не выдерживает и убегает, негромко подвывая.

– Получается, Унтамо навещал твоих красоток почти каждую седмицу? – деловито переспрашивает Грайтис. – Желая при том близкого общения с особами как можно более юных лет? И непременно приводил с собой телохранителя, а то и двух? Они торчали под дверью или дожидались его в общем зале? Нынче все происходило, как обычно?

– Он явился незадолго до полуночи, – запинаясь, вспоминает трактирщик. – Потребовал Мави – чем-то она ему приглянулась, он уже третий раз к ней шастал – и поднялся наверх. Охранник, как водится, остался в коридоре. Вон там сидел, – он указывает на опрокинутую скамью почти напротив двери. – Перед самым рассветом как начали голосить на весь дом! Сторож, наверное, вскочил спросонья и бросился выручать хозяина. Мы-то замешкались,

когда прибежали, тут уже все было... вот такое. Эти двое лежат, не шелохнутся, а девка забилась в угол и завывает.

— Понятно, — Грайтис рассеянно кивает и начинает распоряжаться: — На три-четыре дня всех гуляющих красоток отсюда долой. Комнату мы запрем и опечатаем. Лучше бы тебе и таверну прикрыть, но ярмарка на носу... Ты же предпочтешь удавиться, чем упустить постояльцев, верно? Поглядывай за спину — вдруг гиперборейцы возжелают отомстить за убиенного сородича. А сейчас соверши полезное дело: быстренько раздобудь повозку и две большие холстины. Эй! — он заглядывает в комнатку, где стражники примериваются, как бы половчее стащить с кровати тело мертвого колдуна. — Уведите сперва девчонку. И поосторожнее там, чтобы покойник на части не развалился!

Мави не сопротивляется, когда две блюстителей пробираются к ней и поднимают на ноги. Шатаясь, она послушно ковыляет к двери, глядя прямо перед собой отсутствующими, чуть косящими глазами. Кто-то догадался принести широкий плащ и набросить его на плечи девушки. Она стоит, сгорбившись и неуклюже топчась по выскобленным доскам босыми ногами, оставляющими липкие темные следы.

— Куда ее, ваша милость? — спрашивает один из гвардейцев. — В городскую тюрьму или?..

— В крепость, — быстро переглянувшись с Рэфом, решает месьор Грайтис. — Подыщите комнату с хорошим засовом и не оставляйте без присмотра. Да, пусть ее как можно быстрее осмотрит лекарь. Прочим знать об этой девице необязательно... особенно аквилонцам. Все меня поняли?

* * *

Позаимствованная на конюшне «Снежной ящерицы» подвода, запряженная гнедым мерином почтенных лет, бодро громыхла по окраинным улицам, направляясь к Закатному кварталу. На дне возка, прикрытая холстиной и старыми мешками, таилась пара продолговатых предметов, иногда перекатывавшихся из стороны в сторону и слегка подпрыгивавших.

Следом топали стражники, шагах в десяти за ними — вроде бы сопровождая подводу и в то же время сами по себе — ехали двое верховых, без труда узнаваемых почти каждым жителем столицы Пограничья: вольфгардский ширриф Грайтис и его доверенный помощник, писец и дознаватель Рэф. О последнем шептались, будто он умудряется узнавать о любой мелочи в городе едва ли не раньше, чем та начнет происходить. Парочка столпов городской власти выглядела на удивление мрачно, на приветствия не отвечала и между собой не разговаривала. Это казалось столь зловещим и необъяснимым, что позади таинственной процессии вскоре возникла еще одна — из любопытствующих, желающих узнать, куда, собственно, держит путь месьор Грайтис.

Повозка остановилась в конце Медовой аллеи, подле внушительных, окованных потемневшими железными полосами ворот большого подворья, возведенного наособицу. Мало кто из горожан решился бы явиться сюда по доброй воле, да и сами владельцы усадьбы, где размещалось посольство Гипербореи, не славились гостеприимством. Лет двести тому назад часть Пограничья краткое время пребывала под властью обитателей полуночной стороны Граскаальского хребта. Те времена по сию пору звались «гибельными», а Гиперборея при каждом удобном и неудобном случае напоминала о былом праве на кусок чужой земли, подтверждая его набегами на рубежи соседей.

Словно для укрепления бытующей скверной репутации, на звон болтающегося колокола и крики долго никто не отзывался, хотя за могучими воротами слышались невнятные шорохи, скрипы и далекие голоса. Кто-то из стражников уже начал ворчать, что давно пора запалить колдовское логово с четырех концов, когда в толще створок на миг приоткрылось

круглое оконце. Мелькнуло чье-то лицо, потом раздался приглушенный лязг, скрежет, краткий пронзительный скрип и огромная воротина беззвучно и легко отодвинулась в сторону. Высунулся приземистый, напоминающий обрюзгшего хряка тип – скорее всего, привратник. Подозрительно оглядел незваных гостей и кучку зевак в отдалении, и с величайшей неохотой отдвинулся в сторону, жестом разрешая заезжать и заходить.

Обширный двор за воротами пустовал – обычную мелкую живность тоже прогнали с глаз долой – двери конюшен, амбаров и прочих хозяйственных построек стояли закрытыми, но чувствовалось, что визитеров пристально разглядывают через все имеющиеся щели, глазки и отверстия. Наведавшись к гиперборейцам в первый раз, Грайтис чрезвычайно удивился такому порядку. Потом привык, хотя по-прежнему возмущался, что приезжих (даже с поручениями от короля!) никогда не впускают в дом.

Здание посольства – одно из редких в Вольфгарде каменных строений, приземистое, темно-красного цвета – слепо взирало на пришлецов наглухо закрытыми ставнями. Над высоким крыльцом поблескивал облупившейся эмалью пятиугольный герб-джунарг с известным всей Полуночи символом: белая ладонь на черном поле. Открылась дверь, по ступенькам с достоинством спустился некий долговязый субъект в сером плаще, обильно расшитом по краям непонятными знаками – не то оберегающими рунами, не то обычным, принятым на его родине узором.

Завидев блеклую физиономию встречающего, похожую на уныло-торжественную морду вяленой рыбыны, Грайтис и Рэф с одинаково страдальческим выражением лиц закатили глаза. В глубине души оба надеялись, что им придется иметь дело с кем-нибудь другим, но через двор шествовал именно он – старший письмоводитель гиперборейского посольства, месьор Эгарнейд, славный пристрастием к крючкотворству и тем, что доселе никому не удавалось хоть на миг лишить его холодной невозмутимости.

– Чем обязаны, ширриф? – сухо осведомился гипербореец. – Неужто таможенная управа опомнилась и решила вернуть нам задержанные еще два года назад вещи, по недоразумению сочтенные обрядовыми предметами запрещенных к отправлению культов? Или Его величество заради достойного приема гостей из Аквилонии соизволили обложить нас новым налогом?

Грайтис поймал себя на обдумывании весьма соблазнительного замысла: треснуть бы посланника по лысоватой макушке, а потом заявить – мол, выслушав скорбную новость о кончине соотечественника, Эгарнейд лишился чувств и хлопнулся затылком о крыльцо. Рэф подтвердит, стражники засвидетельствуют, все останутся довольны.

– Ваш магик, досточтимый месьор Унтамо, сегодня утром приказал долго жить, – попытка подражать высокомерному тону письмоводителя оказалась не слишком успешной. Исключительно из стремления досадить Грайтис уточнил: – Его сгубила неуместная для господина столь преклонных лет тяга к острым ощущениям и молоденьким девицам. Примите мои соболезнования и извольте получить брэнное тело.

Чудо произошло: Эгарнейд выказал признаки заинтересованности и приблизился к телеге. Короткий взмах рукой – и полотнище грязной холстины само собой откинулось в сторону, открыв прятавшиеся под ним длинные свертки. Еще один взмах выставил тщательно укутанные трупы напоказ, неведомой силой развернув ткань и аккуратно откинув складки в стороны.

Гипербореец долго и пристально изучал мертвецов, уделив основное внимание изуродованным останкам Унтамо и бросив на покойного телохранителя единственный полупрезрительный взгляд. Затем проскрипел:

– Все ли имущество покойного находится при нем? В первую очередь это касается утерянных телесных сочленений.

От подобного вопроса Грайтис потерял дар речи. Стоявший позади Рэф чуть слышно пробормотал фразу, возводившую родословную гиперборейца прямиком к противоестественному союзу между ледяным истуканом и дохлой жабой.

– Вот, еще это... имущество, – ширриф, решив ничему более не удивляться, протянул Эгарнейду холщовый мешок. – Тут кисть правой руки с перстнем. Левое ухо, нос, несколько пальцев и... э-э... внутренних частей, к сожалению, пока не найдены.

– Доставьте, если отыщете, – с поразительной серьезностью кивнул гипербореец. – Без них невозможно достойное отправление Последнего Прощания. Я также хотел бы получить как можно более подробное описание обстоятельств сей ужасной кончины, дабы представить его послу Халогии. Виновник, как я полагаю, будет обнаружен и подвергнут наказанию вашими силами? Или мы должны рассчитывать только на собственные возможности?

– Сами как-нибудь справимся, – буркнул Грайтис. – Бумаги и прочее нарочный доставит сегодня вечером.

– Посол, входя в тягостные обстоятельства вашего правителя, пока воздержится от нанесения визита с требованием виры за смерть почтенного Унтамо и нанесенные ему поношения, – лик Эгарнейда стал еще более отсутствующим, словно он зачитывал вытверженный наизусть текст. – Думаю, это произойдет по окончанию ярмарки. Однако я хотел бы осмотреть место случившейся трагедии и побеседовать с имеющимися свидетелями. Могу я рассчитывать на то, что мне не придется одолевать преграды, чинимые властью?

– Можете, – сумрачно подтвердил ширриф. – Он умер в «Снежной ящерице», большом постоялом дворе на восходной окраине. Скажете хозяину и находящимся там стражникам, что пришли от меня. Они отпустят для вас нужную комнату.

«Пес с ним, пусть наведается в трактир и полюбуется на свисающие с потолка убогой каморки кровавые ошметки. Вдруг хоть это зрелище его проберет!»

Из ближайшего сарая неохотно выбрались три человека. Повинуясь безмолвному жесту-приказу старшего письмоводителя, не без труда извлекли рассыпающийся труп магика из повозки и унесли в дом. Эгарнейд отвесил недобрым вестникам откровенно вымученный кивок и, повернувшись, направился вслед за своими подчиненными.

– Погодите, а этот? – вмешался Рэф, указывая на оставшегося в одиночестве покойного охранника. – Вы его что... нам оставляете?

– Причем совершенно бесплатно. Это всего лишь асирский простолудин, – бросил через плечо гипербореец. – Унтамо пользовался его услугами, но теперь он нам ни к чему. Советую отправить труп его сородичам с надлежащей сопроводительной для погребения по принятому в Асгарде ритуалу... Не припомню, у них полагается жарить покойников для совместного поедания всем кланом или скормливать воронью?

После довольно продолжительной и яростной перепалки, в ходе которой даже гиперборейский письмоводитель проявил некоторые признаки человеческих чувств, тело злосчастного асира все же вынули из подводы и уложили под навесом во дворе посольства. Эгарнейд скрылся за дверями, всем своим видом изображая оскорбленное достоинство. Не удержавшись, Грайтис украдкой сделал ему вслед неприличный жест.

* * *

Скверно начавшись, день продолжал и дальше катиться по ухабистой дорожке. Удивляться не стоило – если зимой и осенью Вольфгард представлял из себя тихий и сонный город, по самые крыши заваленный снегами, то весной и летом жизнь начинала бить ключом, особенно в праздничные и ярмарочные дни.

А тут еще, словно назло, вдобавок к уйме торговцев, перекупщиков, караванщиков и хуторян из отдаленных провинций пожаловали не кто-нибудь, но сам аквилонский король с супругой и изрядной кучей прихлебателей!

Лично против Аквилонца никто ничего не имел, но вот его свита, похоже, не отличалась особым уважением к традициям чужой страны. В городской Управе скопился целых ворох остающихся пока без ответа жалоб, а взаимное недовольство горожан и приезжих грозило в ближайшем будущем обернуться шумным выяснением отношений. Такое впечатление, будто в последние седмицы обитатели и гости столицы Пограничья твердо задались целью известить капитана городской гвардии и его подчиненных.

У ворот гиперборейского посольства ширриф и его помощник разъехались в разные стороны, договорившись встретиться ближе к вечеру на обычном месте – в таверне «Корона и посох» под стенами замка. Порой Грайтис задавал себе вопрос: не переместить ли Охранную управу в питейное заведение, ибо за разрешением своих тягот люди сперва направляются именно туда, а уж потом вспоминают о доме на Медвежьей улице. Рэф собирался взглянуть, как обстоят дела на Торговой площади, наводя порядок, разбирая неизбежные склоки по поводу дележа мест и заодно прислушиваясь к новостям. Грайтис, прихватив с собой десяток человек, решил проехаться по близлежащим кварталам.

Переполненный город бурлил. Повсюду, обрастая по пути самыми невероятными подробностями, разгуливали слухи о жутком происшествии в «Снежной ящерице». Мелкие стычки в тавернах и на постоянных дворах неизбежно завершались драками, городская тюрьма трещала по швам, не вмещая всех задержанных. В скором времени, прикинул Грайтис, нарушителей спокойствия придется отправлять в подземелья коронной цитадели, а это придется чрезвычайно не по душе как тамошнему коменданту, так и его подчиненным.

Довершая список неприятностей, у самых дверей «Короны и посоха» ширрифа настиг гонец с безрадостным известием – через два-три дня следует ожидать возвращения Эртеля и гостей из Аквилонии, уезжавших на охоту в леса. По приезде Его величество потребует от градоправителя подробного отчета о столичных неурядицах, это уж как пить дать. Может, встретить короля торжественным вручением прошения об отставке? Нет, проверено еще в минувшем году – не отпустит.

В трактир сегодня набилась едва ли не четверть населения Вольфгарда. Владелец, достопочтенный Юшта Далум, заметив вошедшего Грайтиса, только руками сокрушенно всплеснул: место, куда посадить почетного гостя, отыщется, но спокойного разговора никак не получится. К тому же добрая часть посетителей встrepенулась, готовясь обрушить на голову ширрифа сотню различных и не всегда доброжелательных вопросов.

Пришлось торопливо удалиться, заодно распрощавшись с мечтами о роскошном горячем ужине. Во дворе таверны Грайтис столкнулся с собственным помощником – усталым и задержанным.

– Горожане точно с ума посходили, – мрачно сообщил Рэф. – Скоро вспыхнет мятеж и нас вздернут на главной площади. Хочешь выслушать длиннющий перечень сегодняшних происшествий? Тебе понравится. Давно не случалось ничего подобного.

– Мне бы пожрать, – честно признался бритуниец. – Бунты пусть король усмиряет, он уже по дороге в столицу... Слушай, есть идея. Не станем вышвыривать посетителей Далума на улицу и лишать его законного дохода. Я знаю место, где нам чрезвычайно обрадуются, посочувствуют нашей тяжелой доле, дадут полезный совет и накормят до отвала. Устроим набег на владения королевского волшебника!

– Так нет же его в Вольфгарде, – напомнил Рэф. – Он еще в начале лета укатил в Чарнину, копаться в тамошних старинных развалинах. То ли руины Пифона там ищет, то ли крепость альбов, не помню в точности.

– Именно это я и имел в виду, – невесело хмыкнул Грайтис. – Зато Ренисенб дома, в крепости.

– Ах, Ренисенб, – с нарочито безразличным видом кивнул помощник. – Ну-ну.

... Должность придворного магика в Пограничье уже добрую четверть века занимал один и тот же человек – Тотлант, уроженец Луксора Стигийского, прихотью судьбы заброшенный в далекую полуночную страну и решивший, что именно здесь стоит провести остаток жизни. Стигиец водил близкую дружбу с предыдущим королем, Эрхардом (который, собственно, и уговорил его остаться в Вольфгарде), по мере сил помогал новому правителю и справедливо числился среди наиболее уважаемых людей королевства Пограничного.

В последние годы у господина Тотланта появились два новых увлечения, занимавших почти все его время. Во-первых, основанная им магическая школа, называвшаяся «Радугой» и располагавшаяся лигах в десяти к Полуночи от столицы, в чрезвычайно живописном Краю Водопадов. Во-вторых, упомянутая Ренисенб эш'Шарвин. Это сокровище Тотлант раздобыл лет пять тому во время визита на Полуденное Побережье. По мнению волшебника, она воплощала в себе множество замечательных черт, и, что немаловажно, успешно овладевала тайнами колдовского искусства.

Вопреки пугающим слухам об уроженцах далекой Стигии, подруга магика оказалась смешливой, общительной, гостеприимной и не слишком жаловалась на постоянные холода Пограничья. Ее только огорчало, что местный климат пришелся не по душе ее домашним любимцам, маленьким змейкам с оранжевой чешуей, поселившимся в ящике перед всегда теплившимся камином. Обладавшие скверным нравом песчанки дружно шипели на любых посетителей, не изменив своей привычке и сегодня. Покойный король Эрхард, заглянув как-то на огонек к придворному волшебнику и узрев пресмыкающихся обитателей деревянной коробки, немедленно прозвал ее «походным капищем Сета». Название прижилось, несмотря на возмущение Ренисенб, доказывавшей, что люди имеют полное право содержать дома как редкую золотистую кхитайскую кошку, так и безобидных крапчатых полозов из Сухметской долины.

Три плоские головки раскачивались над краем «капища», словно прислушиваясь к непонятным людским разговорам. Четвертая изображала живой браслет на тонком запястье хозяйки – смуглой и большеглазой черноволосой женщины. Иногда Грайтис ловил себя на размышлениях о том, что госпожа Ренисенб слишком хороша для безвестного прозябания в захолустье. Ширриф старался держать подобные мысли за семью замками в самом темном уголке, если уж не получается совсем от них отделаться.

Несговорчивое искушение упрямо напоминало о себе, становясь особенно настойчивым, стоило месьору Тотланту на сколь-нибудь протяженный срок удалиться за пределы Вольфгарда. Грайтис надеялся, что женщина ни о чем не догадывается, хотя кто ее знает... Вдруг колдунью искренне забавляют неуклюжие попытки капитана городской стражи малость приударить за ней?

Веселое оживление стигийки, вызванное приходом незваных гостей, сменилось задумчивостью (когда наскоро перекусивший Рэф изложил собранные за день новости), и окончательно сгинуло после описания события в «Ящерице» и пересказа беседы в гиперборейском посольстве.

– Одно из двух, – подвел итог дознаватель. – Либо гибель Унтамо вызвана его враждой с другими колдунами, либо надо признать невозможное – его прикончила Мави. На всякий случай я добился, чтобы ее поместили в подземелья цитадели. Гложет меня смутная тревога касательно этой девицы, а места безопаснее замковых подземелий придумать трудно... Девчонка по-прежнему молчит и прячется в темном углу. Лекарь заверяет, будто телесно она вполне здорова, только перепугана до смерти.

– Я тоже должна ее увидеть, – заявила Ренисенб, произнося слова с необычным прищелкивающим акцентом. – Девочка могла стать невольным оружием, нацеленным против гиперборейца. Есть такие заклятия, они достаточно просты и весьма эффективны: живет себе обычный человек, ничего особенного не подозревает, но достаточно ему услышать тайное слово или просто увидеть намеченную жертву... Унтамо входил в Круг Белой Руки, занимая там не последнее место. Не представляю, кто мог отважиться бы вызвать его на поединок или устроить ловушку.

Однако, Сет свидетель, я знаю далеко не все и не всех. На вашем месте, господа чело-векоохранители, я бы выяснила, чем заняты известные в Вольфгарде маги, особенно живущие при иноземных представительствах. Я тем временем попробую узнать... доступными мне средствами... кто еще из магического сословия пребывает в столице инкогнито.

– Успокоили, госпожа магичка, нечего сказать, – пожаловался ширриф. – При мысли о том, что твои собратья по ремеслу надумают выяснять отношения накануне Летней ярмарки, да еще когда аквилонский король в гости пожаловал, у меня прямо-таки мороз по коже. Ладно, идея не хуже и не лучше всякой другой. Рэф, учини-ка с нынешнего вечера за известными нам колдунами негласное наблюдение... Теперь касательно способа, коим бедолагу Унтамо отправили на Серые Равнины. К чему понадобилось громоздить такие сложности? Если кто-то хотел его прикончить, куда проще воткнуть нож под ребро и готово дело. Так нет, ровно зверь какой порвал!

– Зверь... Вообще-то предположение недалеко от истины. Как я понимаю, загадочный убийца вполне может оказаться гулем, – высказала догадку Ренисенб и поднялась из-за стола, обнося гостей еще одним кувшином вина. – Доводилось слышать о таких существах? Они – коренные уроженцы Рабирийских гор на закатном побережье Хорота. Уцелевший осколок древних времен, наподобие dwarves или Племена Карающей Длани. Тотлант и я жили в их краю, когда проходили обучение в «Сломанном мече». Своеобразный народ, а наиболее диковинная и отталкивающая их черта – необходимость пить кровь живых созданий. Большинство обходится кровью домашних или диких животных, но есть такие, что ставят превыше всего охотничий азарт и предпочитают выискивать жертвы среди людей.

– Еще не легче. Только заглянувших на огонек вампиров нам не хватало, – уныло вздохнул Грайтис. – Узнать такую тварь как-то можно? На кого они похожи?

– На обычных выходцев из стран Полуденного Побережья, – дернула плечом стигийка. – Вдобавок у них прирожденный дар к магии наваждений и созданию обманных чар. Если хоть один гуль прибыл в Вольфгард вместе с торговым караваном... Поймать его чрезвычайно трудно, а выдавать себя подобное создание может за кого угодно, начиная от благообразного торговца драгоценностями и заканчивая послушницей нищенствующего митрианского ордена. Правда, у рабирийцев имеются два неотъемлемых отличия: клыки, похожие на зубы мелких хищных животных, и втяжные когти на пальцах.

– Когти, – протянул Рэф. – Унтамо и асира разодрали на кусочки... Я полагал, их свежевали кривым лезвием. Похожие следы оставил бы, скажем, снежный барс...

– Или волк, – возразил ширриф. – Не забудь, над злосчастным магом поработали не только когтями, но и клыками... притом зубки-то, дражайшая Ренисенб, изрядно поосновательнее, чем у мелких хищников. Даром, что ли, стражники ошметки по задворкам собирали? Кстати, подскажите, кто способен точно определить: девица Мави – человек или из народа Карающих? Может, она внезапно свихнулась? С перевертышами такое случается. Я слышал истории про Безумного Вожака или как его там кличут, когда оборотни начинают поголовно сходить с ума и бросаться на всех подряд...

– Бешеный Вожак – заплесневелое чучело для глупцов! – с неожиданной злостью бросил дознаватель, сопровождая слова резким взмахом руки – так, что часть вина из его кубка плеснулась через край. – Его не существует... никогда не существовало! Это рассказы и

дурацкие выдумки! О Бешеном вспоминают, когда нужно посеять раздор между людьми и оборотнями!

Блестящая змейка на руке волшебницы вдруг открыла маленькую клыкастую пасть и зашипела, дрожа тонким длинным язычком.

– Ты чего разошелся? Рэф? – недоуменно спросил ширриф. – Вон, тварюшку госпожи Рени напугал... Да, денек сегодня выдался не из легких, только вопить-то зачем?

Рэф пропустил слова начальника мимо ушей – что с ним случилось редко – и явно рвался продолжить обличительную речь... но тут часто и требовательно забарабанили в дверь. Сквозь толстую створку долетели выкрики:

– Госпожа, ширриф здесь? Срочное дело! В «Короне и посохе» резня!

* * *

Почтенный Юшта Далум, владелец таверны «Корона и посох», проводил ширрифа с помощником сочувствующим взглядом и сокрушенно покачал головой. Радоваться при виде двух усталых и измотанных стражей порядка стал бы разве что закоренелый злодей. Юшта, как ни посмотри, таковым не являлся: налоги платил исправно, дурманными зельями не приторговывал, краденое не скупал и вообще гордился тем, что таверна в городе на хорошем счету, а всякая шваль обходит заведение за лигу. Публика в таверне столовалась самая что ни на есть степенная: состоятельные купцы, заезжие и местные, гильдейские старшины, гвардейские чины из высившегося рядом королевского замка.

Выгодное место, прекрасная кухня, цены, конечно, соответствующие, однако клиенты не жалуются – зачем, спрашивается, честному кабатчику ссориться с законом? И без того Юшта Далум, недавно справивший пятьдесят второй день рождения, был вполне доволен жизнью. Он даже подумывал, не расширить ли дело. Как раз через дорогу торчит «Дуб и желудь», где, по точным сведениям Юшты, хозяин последнее время едва сводит концы с концами. Перекупить, что ли, заведение? Вот славно бы вышло! Справа от ворот, стало быть, «Корона» – для тех, кто побогаче, слева же, для ремесленного сословия, охотников, скотоводов и прочего работного люда, ясное дело, «Посох»...

Размышляя таким приятным манером, Юшта облокотился на широкую, отполированную тысячами локтей стойку и рассеянно созерцал негромко гудящий обеденный зал. По залу с деревянными подносами, нагруженными снедью, шустро сновали смазливенькие служаночки, числом трое. Девиц, кстати, трактирщик содержал в строгости. Ежели кому шальные деньги покоя не дают, любил он повторять, так я не неволю – вон, целых два борделя в Закатном Конце. Пока ни одна из девушек на легкие заработки у мамыши Зифгы не польстилась – строгость строгостью, а платил-то им Юшта неплохо.

Народу нынче в зале собралось много. В иные дни, случалось, приходилось и дополнительные скамьи выносить, но и теперь всего пара столов пустовали, за остальными потягивали эль и красное вино посетители. Все как обычно: парами, тройками беседуют за обильным ужином купцы, в углу, сдвинув два стола, веселится десяток гвардейских из замка – но негромко пока сидят, прилично. Вон ремесленники из Золотого цеха обмывают, как видно, богатый заказ, да у самых дверей притулился, никем не замеченный и никому не нужный, побирушка с холщовой сумой. Хлебает луковую похлебку за два медяка, посвечивая из-под спутанной седой гривы диковатыми темными глазами. Побирушку Далум немного знал. Время от времени тот выполнял разную черную работу в таверне, за что Юшта платил ему когда мелкой монетой, а когда – вот как сейчас, едой.

На Оленьей башне замка колокол отбил шесть пополудни. Одновременно с последним звонким ударом дверь мотнулась на хорошо смазанных петлях от молодецкого пинка, и в таверну один за другим ввалились пятеро.

Завидев их, Юшта отложил в сторону дощечку-абак и немного сместился за стойкой – так, чтоб под левой рукой оказался плетеный шнурок замаскированного звонка, а под правой короткая толстая дубинка из железного дерева. Чуть подумал и дернул за шнурок. В глубине дома брякнул колокольчик, оповещающая Громилу Белиаса, что в общей зале вскорости могут потребоваться услуги вышибалы.

Гости, впрочем, трезвона не услышали и хитроумного маневра кабатчика не заметили. Они направились напрямик к Юште, нарочито громко стуча коваными сапогами и галдя промеж собой на тяжеловесном наречии горцев Полночной Зингары.

Единственный взгляд, брошенный на визитеров, рассказал о них многоопытному месьору Далуму почти все, кроме разве что имен. Наемная охрана кого-нибудь из купцов, приехавших на ярмарку. Судя по масляному блеску в глазах и размашистым движениям, выпили как раз столько, сколько потребно для устройства хорошей драки. С виду – отъявленные рубаки, и, что самое скверное, по самые уши обвешаны неприятного вида оружием. Одному из зингарцев под ноги попался оставленный табурет. Наемник, сыпля проклятьями, отшвырнул его ударом ноги.

Кое-кто из торговцев, безошибочно чуя назревающий скандал, начал тишком пробираться к выходу.

– Ты в этой яме хозяин, что ли? – хрипло бросил самый зверовидный из пятерки, небрежно опершись о стойку. При этом на кабатчика он не глядел и вообще повернулся едва не спиной – здоровенный жилистый верзила в куртке сыромятной кожи, перепоясанный крест-накрест оружейными ремнями, за каждым плечом торчит по истертой сабельной рукояти. – Жрать давай, толстяк, и вина, много. Почую, что разбавляешь – уши отрублю.

Его спутники с грохотом плюхались на табуреты вокруг стола, из-за которого при их приближении поспешно улетучились трое пожилых ювелиров с Хлебной улицы. Один из горцев прихватил за мягкие части пробежавшую служанку. Та вырвалась, громко взвизгнув с неподдельным испугом. Наемники заржали и заулюлюкали.

– Эй, Варгас, – рявкнул один из них, – чего они такие недотроги? Это кабак или митрианский монастырь? Клянусь статями Дэркетто, или крошка присядет мне на колени, или я тут все разнесу! Так, что ли, ребята?

– Присоединяюсь! – заорал его сосед, выхватывая тяжелый кинжал и с маху загоняя его в столешницу. – Кабатчик, шевелись! Гони сюда девок!

– Тихо! – гаркнул Варгас так, что на колесе под потолком колыхнулось свечное пламя. Зал быстро пустел. Только бродяжка чего-то мешкал, да загулявшие гвардейцы, оставив кружки, следили за чужаками внимательно и весьма недобро. В дверях, ведущих на задний двор, показалась тяжеловесная фигура Белиаса. – Ты все слышал, толстяк? Жратвы, выпивки и девок в зал, чтоб всем хватило. Иначе, – он коротко и свирепо хохотнул, – сам за девку отслужишь.

Таверна – она и есть таверна. Хотя «Корона» считалась местом спокойным и безопасным, умирять всякого рода буйных Юште доводилось, и не единожды. В молодые годы месьор Далум и сам был не дурак помахать кулаками, а десять лет, проведенных копейщиком в немедийском легионе, должным образом закалили его дух и особенно тело. Глядя в мутные, как у быка, налитые дурной кровью глазки наемника, он только кротко вздохнул. «Даже если дать, что просят, – философски рассудил кабатчик, – все одно ведь добром не уйдут. Драки ищут, поганцы... Ну, Кром-Воитель, не допусти смертоубийства...»

– Девки у меня славные, – сообщил он верзиле Варгасу, вроде доверительно, но так, чтобы слышали его дружки, а заодно и гвардейцы с вышибалой. – Только не про тебя, урода. Есть старый ишак, на конюшне стоит. Тебе как раз будет.

Зингарец, взревев, схватился за саблю, и Юшта с размаху врезал ему дубинкой между глаз.

Началась кутерьма.

Наемники схватились за ножи, гвардейцы – за табуреты. Белиас, разъяренным зубром врезавшись в гущу драки, умело работал кистенем на короткой цепочке. Трактирщик с дубинкой наперевес держался в резерве, время от времени отоваривая оказавшихся поблизости забияк. Варгас, прижав ладони к рассеченному лбу, медленно сползал на земляной пол.

Какое-то время казалось, что исход драки предreshен, но тут кто-то из зингарцев, прижатый в углу, проорал короткую гортанную команду. В воздухе засверкала острая сталь, легкие кордавские клинки против прямых казенных палашей, которые носила дворцовая гвардия. Сердце у Юшты упало: игра пошла всерьез.

Один из гвардейцев, оставляя за собой на полу цепочку частых кровавых пятен – кровь стекала с покалеченного ударом сабли запястья – бросился к двери, громко зовя на помощь городскую стражу. Он уже достиг порога, но, как в первый момент показалось месьору Далуму, запнулся и растянулся ничком. Его крик прервался булькающим хрипом, а в следующее мгновение до разума кабатчика дошла наконец истинная картина происшедшего, и от этой картины кровь застыла у него в жилах.

Безобидный бродяжка, не удравший сразу с началом потасовки, а непонятно чего ожидавший в своем углу, при виде крови переменялся вмиг и разительно. Испустив хриплый рев, похожий на вопль рыси в брачную пору, он одним прыжком взлетел со своей скамьи и вцепился бегущему гвардейцу когтями в плечи, сбив того с ног и всадив длинные клыки бедняге в затылок. Клыки... когти?! Да, то существо, которое сейчас кромсало бездыханное тело солдата, вряд ли можно было бы отнести к человеческому роду, равно как и к любой иной известной кабатчику расе. Во всяком случае, повадками оно напоминало гигантскую хищную обезьяну из кофийских дебрей.

Очень опасную обезьяну. И очень голодную. На глазах Юшты существо вырвало здоровенный клок мяса из спины теперь уже, без всякого сомнения, мертвого гвардейца. Далум в ужасе заорал. В зале звенели клинки, кричали люди и трещало ломающееся дерево, но монстр услышал. Не отпуская добычи, существо оглянулось через плечо и рыкнуло окровавленной пастью, продемонстрировав внушительный набор зубов.

Первым заметил тварь Громила Белиас и бросился на оборотня, раскручивая на бегу кистень. Он ударил верно, тяжелый стальной шар раздробил существу ключицу. Оборотень снова завопил – на сей раз то был крик боли – и ответным взмахом когтистой лапы располосовал вышибале живот. Кто-то из дерущихся обернулся на звук и схлопотал от противника нож в спину, кто-то еще опустил саблю, некоторые кинулись на помощь Белиасу, но с почтенного месьора Далума было довольно. Кабатчик слепо шарахнулся к задней двери, ударившись бедром о винную бочку, и побежал, не разбирая дороги, с единственным желанием оказаться как можно дальше от «Короны и посоха». Если бы хватило сил, он бежал бы до самой Стигии, а быть может, и дальше.

За его спиной существо продолжало убивать.

Глава вторая

Глас народа

22 день Первой летней луны.

Вольфгардскому ширрифу приснился скверный сон – будто за ним сквозь сугробы и буреломы гонится волчья стая, причем звери прытко скачут на задних ногах, издавая вместо полагающегося рычания и воя угрожающие крики на человеческом наречии.

С трудом оторвавшись от преследования, беглец выскочил к Полуночным воротам столицы Пограничья, молчаливым и неприступным. Дотянулся до болтающейся веревки колокола, собираясь устроить трезвон на весь город, но веревка оборвалась, а на призывные вопли с надвратной башни выглянула ухмыляющаяся волчья морда. На голове зверюги красовался лихо нахлобученный островерхий шлем, украшенный торчавшими во все стороны флажками, с клыков текла зеленоватая пена. Грайтис замычал от ужаса, дернулся всем телом и проснулся.

Всюду оборотни, подумал ширриф, нехотя разлепляя глаза.

Пробуждение не относилось к числу приятных, ибо прямо перед человеком с меланхолическим видом покачивалась узкая змеиная головка. Туловище пресмыкающегося обвивалось вокруг массивной серебряной кружки, кружка стояла на столе, попирая небрежно разбросанные пергаменты. Чуть далее сидела магичка Ренисенб и что-то писала, время от времени зевая и прикрывая узкой ладонью рот. Заметив, что ширриф возвращается к бодрствующему состоянию, она дружелюбно кивнула и продолжила свое занятие.

Оставалось выяснить, в силу каких обстоятельств столь почтенная и уважаемая личность, как капитан городской стражи Вольфгарда, дремлет на неизвестно чьем столе.

Повернув голову влево, Грайтис узрел пару полукруглых окон, наполненных постепенно разгорающимся дневным светом. Между проемами распласталась чуток облысевшая леопардовая шкура необычного окраса – по белому фону разбегались коричневатые пятна.

Вид шкуры пробудил воспоминания, начавшие послушно выстраиваться одно за другим. Комната – личные покои управляющего королевского замка, Темвика Магнуссона. Где носит самого Темвика, сказать трудно. Должно быть, господин комендант разбирается с внезапно свалившимися ему на голову заключенными и впадшим в истинное помешательство Юштой Далумом, давеча требовавшим спрятать его в самом глубоком и охраняемом подвале крепости. Он, Грайтис, пытался разложить по порядку и записать собранные за время краткого следствия в «Короне и посохе» противоречивые и сумбурные сведения, однако бессонная ночь взяла свое. Неудивительно, что госпожа Ренисенб, глубоко за полночь призванная всячески помогать доблестным человекоохранителям, тоже задремывает.

Стигийка вывела очередную фразу, перечитала, и, похоже, осталась довольна. Грайтис только собрался любопытствовать, что она там такое пишет, когда в коридоре загромыхали приближающиеся шаги и спорящие голоса. С оттяжкой хлопнула дверь, и бритунец узнал в первом из вошедших Темвика. Позади неотвязной тенью следовал чрезвычайно мрачный и насуспенный Рэф, продолжавший на ходу что-то доказывать.

– Самая скверная новость года – «Корону» придется временно закрыть, – громогласно заявил Магнуссон вместо приветствия. – Во-первых, там все вверх дном, во-вторых, ее хозяин по-прежнему невменяем... Госпожа Рени, добром прошу – убери ты отсюда свою гадюку! Видеть ее не могу!

Магичка кротко взглянула снизу вверх на управляющего, превышавшего женщину на добрых три ладони и выглядевшего так, будто среди его предков затесались не только волки, но и медведи-оборотни. Темвик не страшился никого и ничего... за исключением ручных змеек стигийки. Причем, как это не досадно, побаивался их взаправду.

Незаслуженно обозванного «гадюкой» безвредного песчаного полоза бережно сняли с кружки и водрузили на запястье хозяйки. Только после этого Магнуссон согласился присесть за стол, где незамедлительно сунулся в записи Ренисенб. Та, впрочем, не возражала.

– Без Юшты и его несравненных обедов мы точно помрем с голоду, – скорбно пробормотал Грайтис. – Ладно, считайте, я уже проснулся. Чем порадуете? Отыскиали хоть одного разумного свидетеля, который не бормочет ерунды о страшных чудищах?

– Нет, – буркнул Рэф. – Хотя картина происшедшего теперь представляется достаточно четко. Начало заварухе положили зингарцы – личная охрана некоего Сауселье, виноторговца из Бургота. Старшего над ними кликали Варгасом. По скудоумию оный Варгас имел нахальство задирать почтенного месьора Далума, требовать девок и вообще вел себя непотребно, равно как его прихвостни. Пожалеть о совершенной ошибке он уже не сможет – по той причине, что помер. Также как вышибала из «Короны», Белиас, – ширриф и комендант замка одновременно кивнули, подтверждая свое знакомство с упомянутым человеком. – Вместе с ними приказали долго жить четверо стражников из числа коронной гвардии, двое наемников-зингарцев, вмешавшийся в драку подмастерье из ювелирной лавки на Хлебном проезде и служанка Юшты. Итого ровным счетом десять человек, а также случайно раненые...

– И то существо, которое до сегодняшнего дня мирно промышляло попрошайничеством у митрианских часовен да мелкими приработками то там, то здесь, – закончил фразу Темвик. – Имени нищегорода узнать не удалось, а прозвище ему было Волчец. Что выглядит крайне странным – если он принадлежал к нашему племени – (Магнуссон, как и король Эртель, относился к Карающей Длани, не делая из этого обстоятельства никакой тайны), – то как умудрился докатиться до такого плачевного состояния? Где его клан, семья, близкие? Истреблены? Или род по какой-то причине отказался иметь с ним дело?

– Боюсь, таких подробностей мы никогда не узнаем, – негромко проговорила Ренисенб, заставив мужчин разом повернуться к ней. – История этого человека останется для нас загадкой, зато обстоятельства его кончины стали трагедией. Свидетели единодушны: в какой-то миг потасовки Волчец, – она выговорила трудное слово едва ли не по буквам, – до того отсиживавшийся в углу, впал в бешенство, разительно переменялся обликом и напал на одного из гвардейцев, бежавших за помощью. Покончив со стражником, тварь продолжала атаковать людей, пока общими усилиями ее не изрубили в клочья.

Припомнив, в каком виде стражи порядка застали «Корону и посох», Грайтис невольно передернулся. Потасовка напоминала залитые водой и бессильно шипящие угольки – живые пытались выбраться наружу, раненые и умирающие стонали по углам. В центре просторной залы трое гвардейцев с остервенением пластовали клинками грязную и еле заметно дергающуюся грудку тряпья. Во все стороны летели брызги темной крови, а чуть позже под опрокинутым столом сыскалась начисто отрубленная конечность – не поймешь, рука или нога – с толстыми изогнутыми когтями и странно укороченными пальцами.

– По просьбе месьора Темвика я сочла нелишним взглянуть на останки нищего, – тоном ученого мудреца, самозабвенно повествующего о найденных им развалинах древнего города и обнаруженных там ценностях, продолжила стигийка. Ширриф в очередной раз мысленно пожал плечами: поступки Тотланта и госпожи Ренисенб частенько выходили за пределы его разумения. Скажите на милость, какая женщина по доброй воле согласится посреди ночи идти в разгромленную таверну, дабы полюбоваться там на растерзанные трупы? И не просто согласится – примчится едва ли не вприпрыжку, предусмотрительно захватив с собой длинный свиток для записей, перо и чернильницу? – То, что от него уцелело, можно без труда сложить в корзинку и с тем закопать, однако меня крайне насторожил запах... Да нет, вовсе не тот, о котором вы подумали! – она заметила изменившееся выражение лиц слушателей и укоризненно покачала пальцем. – Я имею в виду запах магии. Любое сотворенное волшебство имеет свой, присущий только ему аромат, сохраняющийся в течение краткого времени

около предмета или места, где применялась Сила. Так вот, от Волчеца пахло горелой древесиной, холодом и... как оно по-вашему... черный налет от факела?

– Копоть, – первым сообразил Рэф. – И что сие означает, госпожа Рени?

– Примерно то же самое, как если бы на полу таверны валялся кусок пергамента с оттиснутой на нем печатью «Сработано в Гиперборее», – отчеканила магичка. – Кто-то применял на покойном нищем чары, причем совсем недавно. Полагаю, если бы я навестила комнату, где погиб Унтамо Гипербореец, там обнаружился бы такой же след. Мне это не нравится. Посему у меня имеются две просьбы. Первая: мне необходим толковый и надежный гонец, дабы поскорее доставить вот это послание, – она постучала согнутым пальцем по исписанному листу, – в «Радугу», к пребывающему там почтенному Озимандии Аквилонскому. В сей депеше я почтительно испрашиваю его совета, поелику моих собственных познаний, боюсь, недостаточно. Может, прочитав, он соизволит вернуться в Вольфгард и помочь нам.

– А вторая просьба? – голос Темвика звякнул опасными металлическими нотками.

– Не откажется ли кто-нибудь сопроводить меня к гиперборейскому посольству... и в случае необходимости спасти оттуда? – грустно осведомилась Ренисенб. – Кажется, наши недавние скверные предположения оправдываются. Тамошние насельники опять что-то затевают. У меня есть право задавать вопросы, но вот получить ответы... С этим труднее. Маги различных школ всегда относились друг к другу, как соперничающие за прибыли торговые дома. Будь рядом со мной представитель законной власти, это вынудило бы их стать малость разговорчивее.

– Гиперборейцы, – со злорадным удовлетворением протянул королевский управитель и поднялся во весь свой немалый рост. – Вот оно что... Значит, так! Подходящего гонца я отыщу незамедлительно. Затем прокатимся навестить наших драгоценнейших соседей с Полуночи. Для доказательства мирных намерений прихватим эдак с полдюжины стражников. Коли они не оценят по достоинству нашей любезности, то... – он криво ухмыльнулся и закончил решительным: – Идем!

Уже на лестнице, ведущей во внутренний двор замка, странно примолкшая стигийка вдруг украдкой потянула ширрифа за рукав и полушепотом спросила:

– Я правильно поняла – вы с Рэфом отвезли труп Унтамо в посольство и передали Эгарнейду? И он потребовал обязательно доставить любые найденные части тела покойного магика?

– Угу, – рассеянно откликнулся бритуниец, прикидывавший, не обернется ли затея Темвика чем-нибудь скверным и нельзя ли его остановить, пока тот не наломал дров. Магнусон по меркам оборотней еще очень юн, и порой мыслит, как сущий мальчишка, без малейшей предусмотрительности. Взбредет в голову новый сумасбродный замысел – он и кинется выполнять. – Твердил, без этого не исполнить достойное Последнее Прощание или что-то в этом духе.

– Последнее Прощание? – Ренисенб сдвинула тонкие, подкрашенные синеватой краской брови. – Он именно так сказал?

– Ну да. Я своими ушами слышал. Может, у гиперборейцев нельзя хоронить человека, если он расчленен по кусочкам и что-то потерялось, – предположил ширриф, но вразумительного ответа не дождался – они как раз спустились во двор, где всю распоряжался Темвик, бегали хмуро-озабоченные гвардейцы, жизнь была ключом и ничто не напоминало о мрачных событиях прошедшей ночи.

* * *

Выехать сразу, как рассчитывали, не получилось, но поколебать решимость управляющего за это время ширрифу не удалось: Магнуссон уперся не хуже барана из известной присказки. Оставалось только надеяться на удачу. Да и громыхавший следом конный отряд прибавлял уверенности.

«Все завершится изрядной перебранкой у ворот или во дворе посольства, – убеждал себя Грайтис. – У Темвика должно хватить ума понять: пока мы слишком слабы, чтобы прищемить хвост гиперборейцам. Однако если Ренисенб права и кто-то из посольства баловался запрещенной магией... Нам бы парочку неопровержимых доказательств, чтобы помахать ими перед королем и Судейской Палатой, и вот тогда... В конце концов, сколько можно прыгать на карачках по первому слову этой растреклятой Гипербореи, я вас спрашиваю? Да кто они такие?!»

Захватывающие размышления не мешали ширрифу поглядывать по сторонам, и вскоре Грайтис ощутил тихое подспудное беспокойство. Он прожил в столице Пограничья почти всю жизнь, четыре последних года выполнял здесь обязанности капитана городской стражи – сперва при назначившем его на этот пост старом Эрхарде, затем при его преемнике – и мог справедливо утверждать, что неплохо изучил город и его обитателей. Вчера по Вольфгарду разгуливали под ручку тревога и подогреваемая невнятными слухами паника. Сегодня улицы могли похвалиться настораживающей пустотой – прибывшие на Ярмарку торговые гости предпочли отсиживаться за надежными дверями таверн и постоялых дворов. В широком Сосновом проезде, оживленном в любое время дня и ночи, отряд миновал две или три кучки обывателей, проводивших гвардейцев хмурыми взглядами исподлобья. Половина лавок стояла закрытыми – и это несмотря на позднее утро! – а в рискнувших начать торговлю не замечалось особого наплыва покупателей.

– Какого демона рогатого тут затевается? – поинтересовался Темвик, тоже обративший внимание на подозрительное затишье вокруг и придержавший коня. – Грайтис, Рэф, а куда, собственно, подевались люди? У нас что, разом стряслись мор, чума и болотная лихорадка? Или враг стоит у ворот? Тогда почему мы узнаем об этом последними?

Ответить ему никто не успел. Кавалькада свернула влево и поневоле остановилась.

Площадь на месте слияния бежавшей вниз по склону холма Рудной улицы и более узкого Дровяного проулка заполняло медленно и неровно колыхавшееся скопление горожан, теснившихся подле высокого крыльца здания Гильдии лесоторговцев. На самом крыльце яростно жестикулировала и громогласно – однако из-за дальности расстояния не слишком разборчиво – вещала приземистая фигура в темно-коричневом балахоне. Толпа внимала, и порой в ее глубинах зарождался приглушенный возмущенный рев, разрезаемый отдельными выкриками.

Всмотревшись, Грайтис без удивления отметил, что многие из слушателей сжимают в руках разнообразное устрашающего вида дреколье, а также длинные охотничьи рогатины с раздвоенным жалом, мечи – старинные и относительно новые, – копыя и наверняка позаимствованные в караулах городской стражи алебарды. В основном толпу составляли горожане средней руки, владельцы лавок, ремесленники и их подмастерья из окрестных кварталов, но в отдалении маячил с десятков конных, причем, если ширрифу не изменяло зрение, под гербовым стягом. Не иначе, какой-нибудь прибывший на Ярмарку барон из Земель Кланов и его охранники, тоже заинтригованные происходящим, остановились поглазеть.

Метавшийся на крыльце человек призывно взмахнул над головой некоей маленькой вещью, ослепительно ярко отразившей случайный солнечный луч, и, переваливаясь, заспешил по ступенькам вниз.

Точно получив некий давно ожидаемый знак, собрание дружно заголосило, потрясая оружием, зашевелилось, перемещаясь с место на место и превращаясь из рассеянной толпы в некое подобие колонны. Возглавил ее вынырнувший откуда-то недавний оратор, не на мгновение не умолкавший и по целеустремленности вполне могущий соперничать с катящейся вниз под гору снежной лавиной. Повинуясь его жестам, над головой колонны торжественно подняли и развернули узкий малиново-красный штандарт, обшитый по краям потрепанной золотой канителью и украшенный изображением солнечного диска о многих лучах. Последовала короткая возня, и в нескольких местах над толпой вознеслись еще две или три подобных хоругви.

Фальшивящий, но старающийся бас, отчаянно перевирая слова, затянул гимн королевства. Его дружно поддержали, и под нарастающий бодрый ор извивающийся строй потянулся вниз по Рудной. В домах вдоль улицы распахивались окна, но никаких горшков с нечистотами и ведер с грязной водой на марширующих не обрушилось. Наоборот, обыватели голосили что-то подбадривающее и приветственное. Хлопали двери, выпуская на улицу желающих присоединиться, немедленно вливавшихся в увеличивающуюся на глазах процессию.

Замешкавшиеся и пробегавшие мимо награждали конную гвардию и ее предводителей презрительным свистом. Кто-то развязно осведомился, долго ли они намерены здесь торчать и отчего бы королевским слугам не последовать за добрыми людьми Вольфгарда да не оказать им посильную помощь?

– Брат Бомбах и его верная паства, – ни к кому в особенности не обращаясь, произнес Рэф.

– Чего-то подобного и следовало ожидать. По слухам, они уже давно готовились, но только вчера получили достойный повод для хорошей свары, про резню в «Короне и посохе» уже половина Вольфгарда судачит. Кладу свое жалование за полгода, они направляются к гиперборейскому посольству. И совсем не ради того, чтобы передать соболезнования близким покойного Унтамо.

– Неужто брат Бомбах? – растерянно уточнил Темвик.

– Кто ж еще? – дознаватель чуть скривился. – Топают в первых рядах, его голосину ни с кем не спутаешь. Святой брат давно и искренне ненавидит колдунов вообще, а гиперборейцев в особенности. Его ненависть возрастает с каждой выпитой кружкой белого крепкого. Сегодня, надо полагать, он успел влить в себя не менее бочки – для пущего красноречия и убедительности. Горожане к нему охотно прислушиваются, так что... – Рэф выразительным жестом обвел стремительно пустеющую улицу.

Упомянутый брат уже добрых три десятка лет служил звонарем и сборщиком милостыни в митрианском храме, что на Ветреном холме. Почтенный монах слыл рьяным поборником справедливости, любителем разбирать чужие споры – а после с изрядным шумом праздновать примирение враждовавших сторон где-нибудь в трактире на окраине, подальше от строгого взора отца настоятеля – и в общем-то считался человеком мирным... пока речь не заходила о колдовстве либо же о гиперборейцах.

Появление в окрестностях столицы магической школы святой брат воспринял философски, ограничившись подачей жалобы королю и парочкой не приведенных в исполнение угроз в адрес ее основателя, Тотланта Луксурского. Однако незатихающую войну с гиперборейцами брат Бомбах вел увлеченно и самозабвенно, привлекая как можно больше сторонников и повсюду разглагольствуя о счастливых временах, кои непременно последуют сразу по полному и окончательному истреблению мерзких чернокнижников, прячущихся за крепкими воротами усадьбы в конце Медовой аллеи.

Сегодня неугомонному монаху представилась долгожданная возможность обратить свои замыслы явью... чем он незамедлительно воспользовался.

– Их там наберется с полтысячи или даже поболее того, – заметил Грайтис. – И они так раззадорились, что не остановятся, даже если мы кликнем стражу из окрестных кварталов. По правде говоря, не хотелось бы этого делать. У каждого из наших гвардейцев в этой толпе сыщется кум, приятель, сводный брат... Они предпочтут постоять в сторонке и не вмешиваться. Хотя мне весьма не по душе тот беспорядок, который вознамерились учинить прихожане брата Бомбаха.

– Может, стоит поговорить с этим святым отцом? – напомнила о себе слегка встревожившаяся Ренисенб. – Убедить его, что подобными действиями он ничего не добьется, а пошедшие за ним люди рискуют пострадать... Они ведь не собираются в самом деле штурмовать посольство?

– Еще как собираются, – заверил волшебницу Темвик и озабоченно нахмурился. – Вряд ли у них выйдет что-нибудь толковое, а вот проломленных голов и помятых ребер к вечеру насчитается изрядно, – управитель королевского замка оглянулся, жестом подзывая к себе гвардейского десятника и негромко отдавая тому какое-то распоряжение. Выслушав, гвардеец кивнул и прищипорил коня – явно отправился за подмогой. – Полсотни стражников нам не помешает... вот только успеют ли они в срок? Нужно попытаться убедить их разойтись. Я про погромщиков, ясное дело.

– Валяй, попробуй, – хмыкнул Грайтис. – У меня, знаешь ли, всего одна жизнь, я ей очень дорожу и потому с места не двинусь. Как ты своей – не знаю. Госпожа Рени, не лучше бы тебе вернуться в цитадель? Неизвестно, чем тут все обернется...

– Как что-нибудь интересное, так бедную женщину сразу выставляют за дверь? – сварливо осведомилась стигийка. – Ну уж нет! Благодарю за заботу, но я предпочитаю остаться и насладиться этим любопытным зрелищем до конца.

– Тогда едем, – удрученно мотнул головой Магнуссон, и кавалькада загромыхла вниз по потрескавшемуся деревянному настилу Рудной улицы, вслед за удаляющейся толпой, продолжавшей на все лады выкликать проклятия злокозненным колдунам. – Хотел бы я знать, с чего им взбрело в головы обвинить во всех неурядицах именно гиперборейцев? Почему не немедийских лазутчиков? Или, скажем, туранских торговцев желтым лотосом?

– Сила традиции, – без малейшего признака насмешки пояснил Рэф. – В бедах Пограничья всенепременно повинны гиперборейцы, – он помолчал и добавил, словно рассуждая сам с собой: – Вряд ли им удастся взять усадьбу. Лет шесть назад, когда случился неурожай и мор, уже пробовали, но стены там крепкие, а охрана свое дело знает туго... Покричат вволю, пошвыряются камнями и разойдутся – заливать горе в ближайших трактирах.

* * *

Особенностями характера и телосложения брат Бомбах чрезвычайно напоминал ристалищного зингарского быка, хотя вряд ли об этом догадывался. В данный миг, когда почтенный брат стоял, крепко упершись в землю поношенными сандалиями и упрямо наклонив лысоватую крупную голову, сходство особенно бросалось в глаза. Не хватало только пары длинных, изогнутых на концах рогов, чтобы пропороть ими любого, рискнувшего встать на пути.

Первой возможной жертвой, к его величайшему сожалению, вполне мог оказаться некий Грайтис Дарго, по злой прихоти судьбы – ширриф Вольфгарда со всеми вытекающими последствиями в виде, скажем, возможности быть затоптанным толпой. В душе Грайтис клял себя последними словами: если с самого начала понимал, что попытка любых переговоров с разъяренными обывателями обречена на провал, то какого ляда потащился рисковать жизнью? Покрасоваться напоследок захотелось? Что ж, покрасовался: хотя ширриф

восседал на коне, а митрианец громоздился на своих двоих, Грайтиса не оставляло пакостное ощущение, что монах с изрядным раздражением косится на него сверху вниз.

И беседа, похоже, тоже прочно зашла в тупик. Если в представителей королевской власти еще не летели тухлые овощи, так исключительно благодаря авторитету святого брата. Или таковые овощи приберегались для более важной цели – обитателей гиперборейского посольства.

– Братия возлюбленные! – вновь возопил митрианец, отвернувшись от ширрифа с его небольшой свитой и обращаясь к разгоряченной пастве. – Час решительный настал ныне! Пришло время искоренить злокозненных гиперборейских магиков, а также и омерзительные создания их, огнем и холодной сталью! Ибо доколе можно терпеть на священной земле предков наших сей колдовской вертеп! Обитель чернокнижия, колодезь зла неисчерпаемый! Подыдемся, как один, люди!..

В усадьбе меж тем старательно делали вид, будто никакой толпы под стенами вовсе не существует. Никто не высунулся на разноголосый шум и выкрики, маленькая дозорная башенка над воротами вопиюще пустовала, и создавалось обманчивое впечатление, будто подворье разом обезлюдело.

– Отцу настоятелю это здорово не понравится, брат Бомбах, – крикнул ширриф, наклоняясь с седла. – Разве в обычаях у служителей Митры Милосердного возжигать гнев в сердцах людских, а наипаче вдохновлять неразумных на суд скорый и неправый? Не говорил ли Творец: «Не в мече сила, но в слове, не в избиении иноверцев, но в обращении заблудших»? Одумайтесь, брат!

Оборотившись, звонарь прожег Грайтиса презрительным взглядом, а заодно обдал крепким винным духом. Толпа за его спиной всколыхнулась и воинственно загудела. Да, подумал ширриф, сотен пять, никак не менее. Ох... быть беде.

– Кои от рождения бродят во тьме, тех не молитва очистит, но могила! – рявкнул Бомбах, потрясая золоченым митрианским диском, подвешенным на стальной цепочке на манер кистеня.

– Святой же Эпимитриус не единожды призывал искоренять огнем и мечом колдовскую заразу! Всем ведомо, что в первых рядах шел он изничтожать последние оплоты безбожных кхарийцев, закосневших во зле! Не путайтесь вы под ногами, ваше степенство, с конниками своими, душевно прошу вас и господина управителя тоже – не ровен час, под горячую руку и вам достанется... А лучше всего, коли вы добрые митрианцы и чтите Всеединого – присоединяйтесь к нам, и делу конец!

Темвик, приходивший в ярость всякий раз, когда он оказывался бессилён, скрипнул зубами и двинул коня. Рэф успел схватить управляющего за руку, и в результате добрый нордхеймский клинок Магнуссона не покинул ножен.

– Оставьте, право, – ровным голосом присоветовал дознаватель. – Нас тут хорошо если десяток, а погромщики, сами видите, настроены решительно. Гиперборейцы отобьются, а с братом Бомбахом я по-другому потолкую, когда все кончится.

– Потолкуем, – прорычал Темвик Магнуссон. – Ох и потолкуем мы с ним наедине! Пес брехливый! Краснобай...

– Начинается! – звонко воскликнула Ренисенб, приподнимаясь на стременах.

Призывные вопли Бомбаха потонули в мрачном вое толпы, и на двор гиперборейского посольства полетели первые снаряды – камни, гнилые овощи и поленья, запасливо прихваченные погромщиками. С полдюжины горожан, из числа наиболее молодых и ретивых, подогретые вином и речами звонаря, полезли на стену. Толстенные бревна после недавнего дождя оставались сырыми и скользкими, кое-где поросшими кисточками мха. Зацепиться было не за что, и до верха никто не добрался.

Изнутри усадьбы по-прежнему не доносилось ни звука.

– Говорю же, пошумят и разойдутся, – меланхолично повторил Рэф. – Уже сколько раз пытались. Испоганят месьюру Эгарнейду двор, да и... Хоп, это что-то новенькое!

– Смотри, что творят... – охнул кто-то из стражников. Грайтис выругался от души.

– Проклятье! – вскричал Темвик, весь сморщившись. – Надо было сразу зарубить мерзавца-звонаря, как-нибудь отмахались бы! Ну, теперь пойдет веселье!

Под руководством энергично жестикулировавшего монаха вплотную к стенам выдвинулись те, кто догадался прихватить с собой топоры. Железо звучно застучало по сырым бревнам, и вскоре на стенах появились глубокие затесы. Цепляясь за них, несколько самых отчаянных сорвиголов снова начали карабкаться наверх. С воротами, окованными толстыми бронзовыми полосами, у штурмующих получилось хуже – топоры лишь высекли снопы искр – и тогда, опять же по команде Бомбаха, откуда-то из-за угла посольской ограды бегом вынырнула куча угрюмых мужиков, волокущих нечто длинное и тяжелое.

– Жаба их задави, и таран заранее припасли! – взревел Магнуссон. – Снесут ведь ворота, стервецы! Стража, к бою!

– Да охолони, Темвик! – крикнул Грайтис, непроизвольно сжимая и разжимая кулаки. То, что творилось вокруг подворья, напоминало развороченный муравейник: море плеч, рук и голов, ошетилившееся дрекольем и сталью, режущее в мрачном упоении грядущего боя. – Теперь поздно уже, сомнут... Раньше б знать...

Молодежь из числа штурмующих бодро карабкалась по стенам, таран глухо бухал по створкам, Бомбах торжествующе орал и размахивал своим диском-кистенем. Ворота начали сдавать. Достигнутых успехов толпе показалось мало. Под стеной что-то неярко пыхнуло сразу в нескольких местах, и во двор, на крыши башенок и сараев полетели небольшие круглые предметы, оставляющие за собой дымные хвосты.

Тогда гиперборейское посольство в один миг словно взорвалось изнутри.

Из окон второго этажа мрачного каменного здания, выходящих на двор, с треском брызнули толстые свинцовые стекла, и в беснующуюся толпу вонзился веер оранжевого огня – гиперборейцы не зря хвалились повсюду своим колдовским могуществом. С десятков погромщиков заматались, охваченные пламенем, издавая жуткие вопли и усиливая неразбериху. Часто захлопали арбалеты. Двое, как раз пытавшиеся перескочить через гребень стены во внутренний двор, свалились на улицу, подстреленные почти в упор. От шума заложило уши даже у Грайтиса, вместе со своими спутниками оттесненного толпой и беспомощно наблюдающего за штурмом из дальнего конца запруженной народом Медовой аллеи.

Огненный веер шарахнул еще раз. Передние ряды колыхнулись назад, но задние, не разобравшись в происходящем, напирали, и пустое пространство перед воротами почти не увеличилось. Посольские сараи и длинная приземистая постройка – скорее всего, конюшня – всюду полыхали, подожженные горячими горшками нападавших, языки пламени тянулись к главному зданию. В довершение всего с последним ударом тарана воротные створки душераздирающе затрещали и осели внутрь, открывая просторный двор и одиноко стоящую посреди двора неловко скособоченную фигуру.

При виде этой фигуры над толпой разнесся протяжный вопль, в котором изумление и страх мешались с отвращением. Потом стало на удивление тихо – лишь гудел огонь да пронзительно ржали кони, запертые в охваченной огнем конюшне.

– Что там, что? – волновались стоящие в задних рядах, вытягивая шеи и вставая на цыпочки в тщетной попытке разглядеть получше. Грайтис, хоть и подозревал, *что* там может быть, с высоты конского крупы видел немногим больше. Каменно застывший силуэт имел явное сходство с вороньим пугалом – косо, по-птичьи склоненная набок голова, раскинутые крестом руки, правая кисть свисает надломленной плетью, а левая... сжата в кулак? Или... или нет ее вовсе?..

У ширрифа вдоль хребта пробежал отчетливый холодок. Ренисенб, что-то пробормотав по-стигийски, близоруко прищурила глаза и удовлетворенно хмыкнула – будто увидела именно то, что ожидалось.

– Надо же, рискнули, – произнесла она неожиданно спокойно. – Что ж, никому, как себе...

– Митра Светоносный, защити нас и убереги! – раздался от снесенных ворот тонкий, дрожащий крик. – Колдуны проклятые умруна выпустили!

– Мертвяк неупокоенный... умертвий ходячий... умруна натравили клятые гипербореицы... – зашелестело над головами.

Умрун, переваливаясь по-утиному, сделал несколько неуклюжих шагов. Толпа в ужасе шарахнулась.

Мертвец заговорил. Голос у неупокоенного оказался низкий, гулкий, ровно в пустую бочку, и загадочным образом доносился до самых дальних рядов замерших в непонятном оцепенении погромщиков. Солнечный свет померк, словно бы Око Митры закрыла набежавшая тучка. Бесперывно льющийся речитатив выпевал слог за слогом на тяжелом, гнусавом незнакомом наречии, и Грайтиса вдруг одолела страшная сонливость. С трудом разлепляя ставшие неподъемными веки, ширриф заметил, как один за другим сгрудившиеся у посольства люди роняют свое оружие, как его спутники клонятся в седлах, как пошатнулась и взмахнула рукой стигийская магичка, будто бы защищаясь от наваждения... Голос мертвого мага проникал под череп, успокаивал, усыплял, шептал...

Сет его ведает, чем бы закончилось последнее деяние покойного месьора Унтамо – а это, без сомнения, был именно он или то, что от него осталось – но в этот миг к порушенным воротам метнулся некто низкорослый, кряжистый, в истрепанном и грязном коричневом одеянии. Тусклый лучик сверкнул на тяжелом золотом диске.

– Во славу Митры Лучезарного! – заорал брат Бомбах, крутанул священным символом и обрушил на поникшую голову неупокоенного могучий удар.

То ли упоминание святого имени оказалось на редкость действенным, то ли против недюжинной силушки звонаря не устоял даже оживленный злой магией покойник, но колдовской морок сгинул разом, будто обрубленный мечом. Умрун качнулся, утробно заурчал и загреб клешнями. Толпа, подхватывая оброненное дреколье, с воем хлынула во двор, и там, где только что возвышалась нелепая и жуткая черная фигура, вскипел водоворот вил, топоров и палиц, взлетающих и опускающихся со свистом.

По крыше посольства побежали первые огненные язычки. На центральной площади ударили в набат.

Грайтис, на коего резкое освобождение от чар Унтамо подействовало подобно внезапному ледяному душу, вскинулся и завертел ошалело головой. Гвардейцы намертво вцепились в поводья, пытаясь удержать пляшущих коней, Темвик Магнуссон, белый как стена, бормотал что-то нечленораздельное. Лишь Ренисенб вела себя более осмысленно. Ее конь также плохо слушался поводьев, однако стигийке удалось совладать с напуганным животным, и она направила его в ближайший проулок, крича на скаку:

– Темвик, Рэф! Скорее за мной! Ширриф, скорее!

Полутемный проезд, огибающий посольскую усадьбу, мгновенно опустел при появлении десятка вооруженных верховых, несущихся во весь опор – зеваки брызнули в стороны, прижались к глухим заборам, освобождая дорогу всадникам. Ренисенб на своем буланом коньке по-прежнему держалась впереди, указывая дорогу. Освободив от поводьев одну руку, она махнула куда-то влево от объятого пламенем посольства Великой Халогии, и там, словно в ответ на ее жест, полыхнула между домами яркая зарница.

– Быстрее! – услышал Грайтис умоляющий голос магички. – Нужно спешить!

Впрочем, они успели.

Широкий безлюдный тупик, образованный задворками лавок Кузнечного и Кожевенного цехов (сей тупик именуется Благодатным, припомнил ширриф совершенно не к месту) встретил их нехорошей возней и криками. В пыльных лопухах чернела разверстая пасть потайного хода. Меж мусорных куч курилась сизым дымком изрядных размеров яма, земля вокруг нее на добрый локоть была опалена и густо усыпана пергаментными свитками и листами, высыпанными из вспоротых мешков – от их количества у ширрифа зарябило в глазах.

Прямо по пергаментам азартно топталось с дюжину цеховых, почти все с разномастным оружием в руках. На краю провала темнело чье-то бездыханное тело, поодаль, зажимая пропоротый рункой бок, корчился плечистый бородач в богатых черно-золотых одеждах. Трое, по виду подмастерья, деловито кряхтя и ругаясь, выкручивали руки четвертому, повалив его носом в грязь.

Внезапное появление вооруженных гвардейцев явно не входило в их планы. После того как Темвик, молодецки гикнув, с налету оглушил одного из погромщиков плоской стороной своего тяжелого клинка, а Рэф снес конем второго, пытавшегося размахивать ржавой алебардой, остальные почли за благо немедленно ретироваться.

Ренисенб осадила коня и прыгнула. Спешились и ее спутники, убирая в ножны мечи. Рэф нагнулся, подобрал один из устилающих землю свитков, но тут же выронил его – окрик стигийки прозвучал подобно удару плети:

– Ничего не трогать! Ты, ты и ты, – приказала она стражникам, – соберите все в мешки. Ни в коем случае не касайтесь печатей! Темвик, присмотри за раненым. Не вздумайте ему помогать, да глядите в оба, он опасней горного барса. Попробует дотянуться до любого из свитков – рубите руку прежде, чем он сорвет печать.

Холодная властность и сила, прозвучавшие в голосе Ренисенб, несказанно удивили ширрифа, как и то, что стражники без единого возражения принялись исполнять приказ. Магнуссон, правда, не удержался, буркнув:

– Зачем же руки-то сразу рубить? Чай, свиток не клинок, а я не муха, бумажкой не прихлопнешь...

– Не глупи, Темвик. Это оружие, и опаснейшее. Предметная магия, – отрезала Ренисенб, не отрывая взгляда от раненого бородача. – Мы только что видели ее в действии – огненные стрелы, помните? О, какая встреча, Эгарнейд! Кажется, ты обязан мне своей ничемной жизнью?

Второй гипербореец, которому кузнечские подмастерья все же успели связать за спиной руки, завозился на земле, пытаясь сесть. Извалянный в грязи и крепко побитый, месьор Эгарнейд выглядел скверно. Тем не менее голос его, когда он заговорил, звучал по-прежнему надменно, а на породистом лице застыла привычная маска высокомерия:

– Ты находишь это поводом для злорадства? Прикажи развязать меня и окажи помощь моему другу, Ренисенб, и тогда, может быть, я не упомяну тебя в...

– Эгарнейд, – непреклонно оборвала его стигийка, – ты не имеешь права приказывать мне или кому-либо еще. Ты арестован. Нет, – поспешно добавила она, заметив, как взгляд гиперборейца воровато скользнул по раскиданным вокруг пергаментам, – даже не пытайся. Я буду быстрее.

– Но какому праву? – показное спокойствие посольского письмоводителя наконец треснуло, он сорвался на визгливый крик: – Женщина, что ты себе позволяешь? Я – лицо неприкосновенное, я представляю Великую Халогу! Вы ответите за этот чудовищный погром! В конце концов, я являюсь подтвержденным магом второй ступени посвящения, меня может судить только круг Белой Руки...

– Только-то? – презрительно скривила губы волшебница. – Ты еще и недоучка к тому же... Вторая ступень, подумать только!.. Эгарнейд, являясь, в отсутствие Тотланта Лук-

сурского, придворного волшебника короля Эртеля Эклинга, полномочным представителем магической гильдии Вольного Пограничья, я, Ренисенб эш'Шарвин, маг четвертой ступени посвящения, арестовываю тебя и твоего... друга, – она кивнула в сторону раненого бородача, взиравшего на нее с откровенной ненавистью, – Крэгана Беспалого, одного из Семи Верховных круга Белой Руки, за практикование некромантии на земле Пограничья, черно-книжие и попытку магического заговора.

Ренисенб запнулась и посмотрела на Грайтиса, словно бы колеблясь.

– Кроме того, – решила она, – ширриф Вольфгарда Грайтис Дарго предъявит тебе и твоим сообщникам обвинение в убийстве. Пожалуй, даже не в одном.

Эгарнейд лишился дара речи.

У Грайтиса голова шла кругом. В ответ на вопросительный взгляд стигийки он молча кивнул, в то время как мысли у него крутились по одному усталому кругу:

«Надеюсь, Рени знает, что делает... Митра Милосердный, хоть бы на этом все и кончилось... месячное жалование пожертвую в обитель...»

Он вытер ладонью взмокшее лицо и отметил, что треск пламени и крики пожарных команд как-то незаметно пошли на убыль. Должно быть, там сумели справиться... или не осталось ничего, годного для прокорма жадных огненных языков. Вот и конец одинокой усадьбе на Медовой аллее. Надо бы поскорее пригнать туда с полсотни блюстителей, оцепить квартал и ловить замешкавшихся участников погрома, пока не разбежались. Как бы в дурные головы не взбрело после свалки у посольства отправиться громить дома и лавки живущих в Вольфгарде гиперборейцев... С горожан станется. И брата Бомбаха задержать всенепременно, желательно вместе с сообщниками. Кстати, где человек, который способен этим заняться?

Сбросив невовремя навалившееся оцепенение, Грайтис огляделся в поисках помощника. Часть Магнуссоновых подчиненных заталкивала в мешки последние листы пергаментов, остальные под присмотром Ренисенб и Темвика на скорую руку соорудили носилки, куда не слишком бережно взвалили бородастого Крэгана. Тщательно прикрученный к стремяни коня одного из стражников Эгарнейд с ненавистью зыркал по сторонам, но язык держал за зубами и вел себя смирно. Рэф со своим всегдашним чуть отсутствующим видом стоял над черным квадратом подземного хода, пристально разглядывая земляные ступеньки, уводящие в темноту. Ширрифу пришлось дважды окликнуть дознавателя, прежде чем тот отозвался.

Выслушав приказ, Рэф вяло кивнул, взобрался в седло и отбыл наводить порядок. Озабоченный Грайтис мельком подумал, что никогда еще не видел своего помощника в таком состоянии, но, с другой стороны, и подобные мятежи в Вольфгарде случаются не часто... Тут его отвлекло рычание Темвика, спешившего доставить ценную добычу в коронный замок.

Глава третья

Королевский вердикт

22—24 день Первой летней луны.

Искусство составления докладов для вышестоящего начальства сродни приготовлению блюда туранской кухни: побольше острого, соленого и самая капелька горького. То есть изрядная горсть вымысла, приправленная крупными правды и засыпанная сверху щепотью желаемого, выдаваемого за действительное. Не исключено, что где-нибудь в Офире или Шеме любой младший квартальный надзиратель с легкостью сочиняет по десятку подобных докладов за седмицу, но здесь, в захолустном Пограничье, над его созданием бились три не самых бестолковых человека. В итоге сочинители порешили: сразу по завершении рассказа ширрифа о событиях минувшей седмицы дружно податься в бега.

— Иначе король прикажет швырнуть нас за решетку, а мне в застенки попадать никак нельзя — растолковал невольным сообщникам по заговору Темвик. — Меня тогда сразу тянет волком перекинуться и заесть кого-нибудь. Госпожа Рени, как полагаешь — вдруг я тоже попал под злодейские чары гиперборейцев и теперь взбешусь?

— Непременно взбесишься, — уныло согласилась волшебница. — Тебе хорошо, ты под любым кустом можешь спрятаться, а мне куда податься? Просить убежища в «Радуге»? Там теперь заправляет... — она оглянулась по сторонам, но длинная галерея пустовала и подслушать ее никто не мог, — ... этот желчный и въедливый старикан, Озимандия. Читали, что он мне написал? В ответ на все расшаркивания? Они, видите ли, чрезвычайно заняты! Прибудем, когда изволим! Не малые дети, справляйтесь сами!

— Так мы вроде справились, — нерешительно заикнулся Грайтис. Оборотень и стигийка дружно бросили на него столь мрачный взгляд, что ширриф обескуражено смолк, как охранительную молитву твердя про себя речь, которую ему надлежало вскорости произнести.

«Мы по самое горлышко в грязи, — заявил два дня назад Темвик, стоя возле бывших ворот гиперборейского посольства и озирая закопченный остов каменного здания с темнеющими провалами окон. Над руинами до сих пор курился белесый дымок, и два десятка стражников с явной неохотой копались в горелых обломках. Грайтис и Ренисенб кивнули. — Мы остолопы, способные только хлопать ушами. Гиперборейцы с легкостью обвели нас вокруг пальца и вдобавок заставили платить за битые горшки. Нам позарез необходимо выбраться из этого гнилого болота и оправдаться перед королем за ротозейство. Согласны?»

Возражений не последовало. Управляющий говорил сухую правду: недавние события вполне могли привести к изрядному ухудшению и без того натянутых отношений между королевством Пограничным и его полуночным соседом. Магнуссон сотоварищи приложили все усилия для того, чтобы справиться с растущей волной слухов, однако большая часть гиперборейских купцов свернула торговлю и спешно отбыла из Вольфгарда домой, в Халогу, наотрез отказавшись участвовать в Летней Ярмарке. С ними, надо полагать, сбежали уцелевшие обитатели посольства. Грайтис представил, сколь жуткие истории они поведают соплеменникам о царящих в Пограничье нравах, плюнул и велел себе больше над этим не задумываться. Что сделано — то сделано.

В остальном же замыслам компании сопутствовал успех. Может быть, из-за того, что они сумели действовать достаточно быстро и решительно, подстегиваемые ожидаемым со дня на день возвращением Эртеля и аквилонских гостей.

«Состряпаем ужасный заговор и заявим, будто мы его раскрыли, — предложила Ренисенб и, вымученно хихикнув, добавила: — Глядишь, еще наградят за проявленное усердие. Гиперборейцы ведь в самом деле затевали какую-то пакость, которую мы вовремя предот-

вратили. А о том, что произошло это по чистой случайности и совпадению обстоятельств, мы мудро умолчим».

Двое угодивших в подвалы столичной цитадели гиперборейских магов вначале дружно решили отмалчиваться, заявляя, что станут говорить только с королем и в присутствии посланника из Халогии. Рассвирепевший Темвик пригрозил безотказным средством для развязывания языков и обратился за помощью к стигийке.

Госпожа Ренисенб явилась в каземат, выгнала из отведенной месьору Эгарнейду камеры всех посторонних и накрепко закрыла дверь. Что она там делала, Темвик и Грайтис так и не узнали, хотя в нарушение строжайшего запрета подслушивали в коридоре. Из-за створки пару раз полыхнула темно-багровая вспышка, тек приторно-кисловатый запах, слышались неразборчивые вопли и проклятия, а потом вышла усталая и рассерженная Ренисенб. Ширриф через ее плечо заглянул в камеру и злорадно полюбовался на гиперборейского письмоводителя, мешком болтавшегося на вбитых в стену цепях.

– Поразительное и в чем-то туповатое упорство в намерениях. Гиперборейцы в очередной раз попытались найти средство воздействовать на звериную сущность племени Карающей Длани, – бросила магичка. – Чуть позже мы расспросим Эгарнейда подробнее и запишем его признания, а сейчас появилось неотложное дело – отыскать тех, на кого пробовали наложить чары. Одно такое создание уже мертво. Я имею в виду нищего по прозвищу Волчеч. Одно живо и находится в безопасном месте – девочка Мави. Осталось еще пять или шесть человек, Эгарнейд в точности не знает и тут он не лжет. Блистательный замысел принадлежал Унтамо, тот своими тайнами ни с кем не делился, даже с соотечественниками. Однако у Унтамо что-то пошло наперекосяк. Ловушка обернулась против охотника, и, по законам высшей справедливости увлекшийся колдун пал от руки той самой девочки, которую пытался подчинить.

– И что нам теперь с ней делать? – Мави по-прежнему сидела в подвале крепости, шарахаясь от любых попыток заговорить с ней и ведя себя более как дикое животное, нежели человек. – Это поддается какому-нибудь... лечению, что ли? И знаешь, Рени, мне ужасно не нравится известие о том, что где-то в городе болтается без присмотра еще несколько таких тварей. Где их искать? Как? Ждать, пока учинят очередную резню?

– Девочку я попробую вернуть к прежней жизни, – не очень уверенно ответила стигийка. – Хотя, боюсь, моего опыта и знаний может не хватить. Вот если отвезти ее в Радужную Школу... Что касается одержимцев, то их имена сгинули вместе с Унтамо. Крэган, безусловно, знает, только этот орешек нам не по зубам. Он будет молчать, даже если мы запишем его в горящий очаг и продержим там денька два-три. Я пошарю, как смогу, Заклятием Поиска, однако многого не обещаю... Мое предположение – зачарованных людей, а точнее – оборотней, нужно искать среди окружения обитателей посольства или кого-нибудь, кто поддерживал отношения с гиперборейцами, давно живущими в городе. Кто-то ведь имел с ними дело, доставлял в усадьбу на Медовой аллее провизию или просто встречался с магами чаще прочих, так?

– Хлипкая, честно говоря, получается ниточка, – хмыкнул ширриф. В ответ Ренисенб только развела руками – знаю, мол, а что поделать?

В отличие от одержимых оборотней, поиски брата Бомбаха не затянулись. Он объявился сам – сначала в дававший ему столько лет приют храм на Ветреном холме, откуда бодро промаршировал к воротам коронной цитадели. Стражникам у входа и примчавшемуся на шум Грайтису монах невозмутимо заявил, что признает себя виновным в учинении беспорядков и способствовании оным, а потому намерен разделить тяготы наказания со своими единомышленниками. Темвик брызгал слюной и требовал отдать монаха на расправу лично ему, но и Грайтис, и сам управляющий понимали: такие высказывания – лишь дань уязвленному самолюбию месьора Магнуссона. Будучи человеком дисциплинированным и рья-

ным слугой закона, Темвик прекрасно сознавал невозможность самосуда, тем более в столь щепетильном деле.

Задержанные «единомышленники» почтенного брата, числом до полусотни, пребывали в городской тюрьме, ожидая королевского вердикта, каковой определил бы их дальнейшую судьбу. Особых угрызений совести погромщики не испытывали – рассуждая здраво, если б не они и не брат Бомбах, подлые замыслы гиперборейцев так и остались бы тайной за семью печатями – и оттого пользовались молчаливым одобрением тех тюремных постояльцев, что пребывали в заведении за совершение иных противозаконных деяний.

До принятия устраивающего всех решения монаха решили поместить в подземелья цитадели. Святой отец духом не пал, хотя соседство полубезумной Мави (а позднее еще нескольких одержимцев, почти бескровно отловленных стараниями Рэфа, проявившего в ходе поисков удивительной верности чутье) не нравилось звонарю категорически. Явно воображая себя преемником блаженного Эпимитриуса, призванным нести людям свет божественного откровения, он изводил приставленных к нему стражей душеспасительными беседами, перемежаемыми распеванием священных гимнов.

Таким образом, к прибытию высочайших особ неприглядные трупы были убраны, кровавые лужи засыпаны опилками, виновные скучали за решетками, а доблестные стражи порядка старались выглядеть как можно бодрее. Единственным темным пятном оставалась мрачноватая замкнутость Рэфа, исправлявшего свои обязанности с какой-то пугающей целеустремленностью, но не рвавшегося принимать участие в наскоро состряпанном заговоре. Возможно, дознаватель полагал замысел изначально обреченным на неудачу, но не хотел разочаровывать своего начальника и его сообщников.

Эртель Эклинг возвратился в Вольфгард ранним вечером двадцать третьего дня Первой летней луны. Грайтис и управляющий замка короны встретили кавалькаду подле Бронзовых ворот столицы, сойдясь во мнении, что пребывание в лесах пошло на пользу всем участникам поездки.

– Кто бы знал, как неохота портить Эрту хорошее настроение, – украдкой поделился с ширрифом Темвик, пока кортеж неспешно продвигался по городским улицам к стенам цитадели. – Особенно когда повсюду болтаются аквилонцы и ждут – не дождутся, когда мы еще разок проявим во всей красе свое варварство. А промолчать не удастся – гиперборейцы не позволят. Спорим, к концу лета нас закидают возмущенными требованиями покарать виновников погрома?

– В Халоге будут так звенеть оружием и трясти магическими побрякушками, что мы услышим вопли даже из-за Граскаала, – согласился бритуниец. – Придется самим во всем признаваться... и надеяться на королевскую милость.

– Держи карман шире, – буркнул в ответ Магнуссон. – Помилует он нас, как же.

24 день Первой летней луны.

Изводимая дурными предчувствиями троица невольных заговорщиков шла через безлюдную Парадную Галерею, минуя чередующиеся полосы теней и ослепительного солнечного света, лившегося из высоких и узких окон с мелкими цветными стеклами. Слева проплыла уходящая под потолок массивная двустворчатая дверь, украшенная бронзовым литьем с изображениями различных уголков страны. Имелся там и людской город над речной поймой, и гномское подземное поселение среди причудливых скальных выступов, и густой бор, вдоль опушки которого рассыпалась волчья стая.

За дверями скрывался тронный зал – огромный, гулкий и использовавшийся столь редко, что эти случаи пересчитывались по пальцам и всякий раз заносились в хроники. Последний раз Зал открывали совсем недавно, дабы достойно приветствовать аквилонского монарха и его свиту, но все прекрасно понимали, что удивить соседей не удалось. В Тарантии и не такие чудеса видывали. Подумаешь, замок распланирован и возведен двергами. За

минувшую четверть века коронная цитадель Пограничья так и не приобрела неуловимой ауры обжитого человеческого жилья, оставаясь величественным пустоватым сооружением. Ходили слухи, будто, если как следует поискать, беспременно отыщутся уголки, куда за двадцать лет еще никто не заглядывал. Более-менее обжитой стала только полуденная часть, где располагались покои правителя – сначала старого Эрхарда, затем его преемника.

Чуть не дойдя до конца Галереи, посетители замедлили шаг и остановились подле охраняемой двумя гвардейцами скромной дубовой двери, с которой скалилась деревянная рысья голова. Стремление не ударить в грязь лицом вынудило Магнуссона и Грайтиса с величайшей неохотой извлечь из сундуков и натянуть то, что в представлениях Пограничья считалось «приличным нарядом». Ренисенб же решила доказать, что любая волшебница в первую очередь все-таки остается женщиной.

Увидев ее сегодняшним утром, Грайтис невольно присвистнул, а Темвик со зверским видом изрек, что госпожа Рени весьма напоминает стигийскую принцессу, имевшую несчастье угодить в лапы к нордхеймским варварам. Теперь им с Грайтисом придется либо разыграть ее в кости, либо сразиться не на жизнь, а на смерть, выясняя, кому достанется столь великолепная добыча.

Магичка хмыкнула и удивленно взглянула на себя, словно только сейчас осознала, что на ней не привычная черная хламида с вышитым серебряной нитью изображением качающихся весов, но узкое платье из переливающейся сине-зеленой материи. Дополнением к одеянию служили браслеты из разноцветных бусин и широкое ожерелье с эмалевыми вставками и множеством мелких камешков, больше похожее на золотой воротник. Мужчины сделали вид, будто увлеченно обсуждают городские трудности, чтобы пропустить стигийку вперед и взглянуть, как она идет через Галерею, выбивая частую дробь каблучками сандалий и слегка покачиваясь.

– Как думаете, аквилонцы там будут? – вполголоса поинтересовался ширриф, когда один из охранников скрылся за дверью с известием о приходе ожидаемых визитеров. – Мне почему-то кажется, что они обязательно явятся. Хотя какое, спрашивается, им дело до забот Пограничья?

– Мудрый управитель должен показывать гостеприимство и уважение к давним друзьям, – Ренисенб быстрым движением поправила украшавшую ее гладкие черные волосы золотую диадему с гирляндами звякающих подвесок. – Особенно если он желает... Ой!

Восклицание относилось к беззвучно появившейся рядом четвероногой серой тени, с интересом обнюхивающей подол платья стигийки. За первым зверем возникли еще трое, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся крупными остроухими собаками. Два пса щеголяли яркими ошейниками красной кожи, предупреждая, что перед вами не охотничьи овчарки, но пребывающие в звериной ипостаси оборотни. Судя по несоразмерно длинным лапам, дружелюбно машущим хвостам и весело поблескивающим глазам – подростки из числа дворцовой молодежи. Один из перевертышей наверняка был королевским пасынком, но Грайтис так и не научился безошибочно определять, кто тут есть кто. Вон тот, палевой, почти серебристой масти? Или второй, серый с бурыми подпалинами? С точки зрения человека, все оборотни и волки на одно лицо... то есть на одну морду.

Для Темвика загадка разрешалась простейшим образом: он мимоходом потрепал по загривку светлого волчонка и пропустил его перед собой в распахнувшуюся дверь. Маленькая стая юркнула за вожаком, с нахально-деловитым видом обогнув вышедшую навстречу гостям хорошенькую (хотя по утонченным меркам офирского или немедийского двора несколько крупноватую и ширококостную) блондинку в ярком наряде асгардской девицы знатного рода. На миг раздраженно скривившись, девушка умудрилась ловко пнуть одного из подростков-оборотней в бок. Тот коротко взвыл и отскочил в сторону.

– Нейя, не обижай ребенка, – вступился Магнуссон.

– Ничего, ему не повредит, – отмахнулась девица. – Меньше проказить будет... Доброго дня всем, – она улыбнулась, но улыбка получилась слегка вымученной. – Эрт... то есть король уже начал думать, не потерялись ли вы по дороге. А Рэф где? Его ведь тоже звали.

– Он очень занят, – согрешил против истины Грайтис. Дознаватель, услышав о приглашении в королевский замок, решительно замотал головой, заявив: «Нечего мне там делать. Ещебрякну чего-нибудь не то. Лучше присмотрю за городом. Может, наткнусь еще на кого из этих... одержимых».

Похожую на асирку белокурую девушку звали Нейей из семейства Раварта. Знавшие историю ее появления в Вольфгардском замке сперва завидовали, а теперь, в зависимости от характера, сочувствовали или ядовито посмеивались. Нейя Раварта уже третий год ходила в постоянных подружках Эртеля. Шептались, будто она имела прекрасную возможность в недалеком будущем стать госпожой Эклинг, благо тоже происходила из Карающей Длани.

Однако случилось непредвиденное: по смерти дяди Эртель занял трон Пограничья и оказался перед тяжелым выбором. Будучи оборотнем, он мог жениться только на своей соплеменнице. Тут весьма кстати поблизости оказывалась хорошая знакомая Нейя, ничего не имевшая против. Но как правитель, обязанный думать о благе страны, Эртель вполне представлял те выгоды, что сулит его брак с наследницей какой-нибудь благородной фамилии из соседней Немедии или Бритунии.

Только куда прикажете девать госпожу Раварту, с которой молодой король жил вполне счастливо и не собирался расставаться? Делать ее первой придворной дамой и признанной фавориткой? Смешно и как-то... неправильно, что ли. Такое возможно в любой иной стране, но не в Пограничье с его устоявшимися традициями и дедовскими заветами, частенько обретавшими силу закона.

Из Пайрогии же все чаще обиняками намекали: в королевском семействе подрастает младшая дочурка, скоро ей начнут подыскивать жениха. Отчего бы ко всеобщей радости и процветанию не соединить две граничные страны кровными узами?

Неудивительно, что Эртель и его подруга пребывали в растерянности и глубочайшей задумчивости. Помочь им никто не мог, а обстоятельства все настойчивее требовали принять хоть какое-то решение.

Вбежавшие без приглашения волки и овчарки рассыпались по небольшой комнате с округлым потолком и маленькими оконными проемами, из которых открывался вид на зубчатые стены замка и далекую сизовато-голубую линию окружавших столицу Пограничья холмов. Покосившись по сторонам, Грайтис удрученно вздохнул: все-таки без посторонних не обойдется. Нейя не в счет. Она своя, при ней можно раскрывать любые городские секреты.

Но, помимо Эртеля Эклинга и госпожи Раварты, присутствовали и те, без кого – по мнению ширрифа – вполне можно было обойтись.

Возле одного из окон стояли, глядя на кварталы Вольфгарда и вполголоса разговаривая, высокая темноволосая женщина величественного вида и мальчик лет двенадцати или тринадцати, с подвижной и чуточку хитровой физиономией. Белый волчонок закрутился рядом, подхалимски толкая женщину носом и добиваясь, чтобы его погладили. Разумеется, та восхищенно заахала, хотя Дженне Канах, аквилонской королеве, совсем не пристало впадать в умиление при виде самой обычной лохматой и зубатой твари.

Чрезвычайно довольный собой, подросток-оборотень юркнул под низкое кресло, одно из расставленных вокруг овального столика на причудливо изогнутых ножках. Стол и кресла недавно привезли из Офира, и они никак не желали гармонировать с незамысловатыми предметами обстановки Вольфгардской цитадели.

В кресле, послужившем укрытием волчонку, благовоспитанно сложив перед собой руки, сидела девочка – чрезвычайно серьезная и отчаянно старавшаяся казаться старше

своих десяти лет. Заметив входившую Ренисенб, девочка беззвучно ойкнула и удивленно расширила глаза, блеснувшие густой, почти фиолетовой синевой.

Ребенку еще ни разу не доводилось сталкиваться со стигийскими волшебницами, чего никак нельзя сказать об обернувшемся на цокот каблуков сидящем гиганте, только что увлеченно препиравшемся с Эртелем. Пристально-изучающий взгляд, как с легкой ехидцей отметил Грайтис, вынудил магичку на миг смутиться и пожалеть о выборе столь откровенного наряда.

Что ж, значит это и есть прославленный в сказаниях и множестве невероятных историй Аквилонский Лев, Конан из клана Канах, и его близкие – жена Зенобия, средний сын Лаэг и дочь Ричильдис, она же Принцесса Диса, самая младшая из королевского дома Аквилонии. Первенец короля, наследный принц Коннахар, уже почти достигший совершеннолетия юноша (незаурядный молодой человек, если верить слухам), должно быть, по мере сил заменяет отца на временно опустевшем троне Тарантии.

Когда Грайтис впервые увидел Аквилонское семейство во время их торжественного прибытия в Вольфгард две седмицы назад, он даже предположить не мог, что настанет день и ему придется сидеть с этими людьми за одним столом. Они жили в своем обособленном мире, а Грайтис Дарго и множество иных, ничем не примечательных людей – в своем. Но судьба известна своей склонностью к неожиданным шуткам, и бритуниец остро позавидовал Магнуссону, могущему похвастаться давним личным знакомством с королем Аквилонии и его супругой.

Зенобия Канах, которую в Пограничье чаще звали просто Дженной или Йенной, происходила родом из здешних краев. Ее отец, Стеварт Сольскель, возглавлял Гильдию торговцев мехами, пока в преклонном возрасте не уступил место преемнику и не перебрался на жительство в Бельверус. Эртель как-то упоминал, будто встречал Дженну в ее молодые годы – мол, она и тогда была красотка хоть куда, и теперь выглядит ничуть не хуже. Звучало подобное высказывание чрезвычайно странно, ведь король Пограничья казался человеком лет тридцати, тогда как Аквилонке уже перевалило за сорок.

– Вы, несомненно, пришли доложить своему королю о положении дел во вверенном вам городе, – грозно начал Эртель Эклинг, взирая на вошедшую троицу безо всякой приязни. Лишь когда король перевел взгляд на стигийку, ледяной блеск в его глазах немного смягчился. – Очень хорошо, сделаете это прямо сейчас. От короля Аквилонии, моего старого и доброго друга, у меня нет и не может быть секретов. Конан, Дженна, кое-кто из этих троих вам незнаком. Это госпожа Ренисенб эш'Шарвин, в отсутствие Тотланта наш придворный маг. Темвика, думаю, представлять не нужно. Третий – ширриф Вольфгарда, Грайтис Дарго... – король Пограничья выпрямился в своем массивном кресле и возложил руки на широкие резные подлокотники. – Итак, мы слушаем.

– Ваше величество, позвольте вручить вам подробный письменный... – начал было Магнуссон.

Аквилонец довольно бесцеремонно перебил его, прогромыхав:

– Прости, Эртель. А ты, Темвик, обожди со своим подробным чем-то там. Что, разве Тотлант вас покинул? Сбежал в родные края, как давно грозился, греть старые кости на берегу Закатного Океана? Я был бы рад с ним повидаться, после стольких-то лет... – он повел плечами, устраиваясь поудобнее. Кресло, занимаемое киммерийцем, стояло рядом с тронном Эртеля и было столь же неподъемным, однако казалось тесным для огромного варвара. – Или вы решили обменять его на эту красотку? Не спорю, она смотрится куда приятнее, чем плешивый и ворчливый колдун в вечно прожженном балахоне, но есть ли от нее толк?

Кто-то приглушенно хмыкнул – кажется, Зенобия. Эртель нахмурился, а ровный голосок стигийки зазвучал, словно бьющиеся сосульки с края граскаальского ледника:

– До сих пор у моего короля и моего наставника не возникало причин сомневаться в моей верности или в моих знаниях. Кроме того, Его величество напрасно именуется меня чужим титулом. С разрешения короля и одобрения настоящего придворного волшебника мне милостиво позволено в течении нескольких дней замещать отсутствующего в столице Тотланта Луксурского. Когда он вернется – а произойдет это не позднее дня начала Летнего Торжища – я займу подобающее мне место...

– Да не переживайте так, дорогая, – добродушно вмешалась Дженна Канах, оторвавшись от рассеянного созерцания заоконного пейзажа. – Никто не сомневается – вы отлично разбираетесь в своем ремесле. Иначе с чего бы Тотланту брать вас в ученицы и в каждом письме расписывать, какая вы умница? Просто мой супруг прознал, якобы в Пограничье случился избыток магов, вот и пытается сманить вас в Тарантию. Эрт, ни в коем случае не позволяй ему украсть эту милую девушку! А ты лучше помолчи, – теперь она обращалась к мужу, – потому как Эртель желал выслушать месьора ширрифа.

– Эта женщина совсем меня не уважает, – ворчливо пожаловался правитель Аквилонии, вызвав смехи даже у собственных детей. Осмелевшая девочка решила заговорить с Ренисенб:

– Вы в самом деле приехали, из Стигии? И умеете творить настоящие чудеса?

– Я родилась в Кеми, маленькая госпожа, – волшебница на удивление быстро взяла себя в руки. – Что же до чудес, то, боюсь, в жизни они редко выглядят такими грозными и удивительными, как в сказках. Представление уличного фокусника или лицедейской труппы бывает куда красочнее и интереснее... Если маленькой госпоже угодно, она всегда может навестить меня – я живу здесь, в крепости, в Драконьей башне, что в восточной части замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.